99
Библиотека Красного Знамени 1951 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (2779) Четверг, 24 мая 1951 г. Цена 40 коп.

За здоровье русского народа!

...В мир пришел май. Незабываемый май 1945 года. Советские люди радовались и ликовали: позади остались годы войны — годы великих жертв и потрясений, годы страданий и лишений. Фашизм растоптан, в Берлине над зданием рейхстага гордо алеет знамя освобождения. Советские люди мечтали о будущем: впереди их ждали светлые годы нерушимого мира, счастливого труда.

24 мая 1945 года в Кремле состоялся прием в честь командующих войсками Красной Армии. Под величественными сводами Кремлевского дворца собрались маршалы и генералы, академики и инженеры, хозяйственники и стахановцы, артисты и писатели. Лучшие люди советской страны приветствовали любимого и мудрого, простого и великого товарища Сталина, гениального вдохновителя и организатора наших побед.

Товарищ Сталин произнес тогда слова, которые с волнением и благодарностью всегда будут помнить советские люди.

«Я хотел бы, — сказал товарищ Сталин, — поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

Каждый, кто слушал, кто читал потом эту здравицу товарища Сталина в честь русского народа, невольно обращал свои мысленные взоры к истории, в глубь веков, к славному прошлому народа.

Русский народ славится своей беспредельной любовью к Родине-матери. В народных былинах, в «Слове о полку Игореве» воспеваются величественные подвиги русских людей, мужественно защищавших родину от врагов. Имена Александра Невского и Димитрия Донского, Кузьмы Минина и Димитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова вдохновляли многие поколения русских людей на беззаветные подвиги во славу своей родины. Имена Разина и Пугачева, Радищева и Рылеева, Герцена и Чернышевского, Белинского и Добролюбова олицетворяют самоотверженную борьбу русских людей—идейную и с оружием в руках — за освобождение любимой отчизны от гнета и насилия.

В революционном воспитании русского народа, в воспитании его таким, каким он есть в наши дни — дни самоотверженных свершений во имя коммунистического Завтра, — неоценимую роль сыграла передовая русская литература.

Передовая русская общественная мысль XIX столетия, развивавшаяся в материалистическом направлении, готовила почву для восприятия русскими людьми великих идей коммунизма, идей Маркса и Энгельса. И не случайно именно Россия стала родиной ленинизма — гениального учения, изменившего и во много крат ускорившего весь ход истории. Не случайно именно наша страна дала человечеству гениев революции — Ленина и Сталина.

Русскому народу всегда были чужды великодержавные, шовинистические устремления. С благородством сильного и любящего старшего брата передовые демократические силы русского народа защищали народы России от угнетения, помогали им развивать свою национальную культуру, бороться за свою независимость.

Эта благородная традиция сохранилась и упрочилась в наши дни. Русская литература является ведущей в богатой и многонациональной советской литературе. На творчестве М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Твардовского и других русских советских писателей и поэтов учатся поэты и писатели наших союзных и автономных республик.

Русский народ по праву может гордиться великой исторической ролью своего рабочего класса. На всем протяжении своего существования партия Ленина — Сталина воспитывала в массах любовь к родной стране, к ее народу.

В 13-м томе Сочинений товарища И. В. Сталина впервые опубликованы выдержки из письма Демьяну Бедному, где имеются следующие поразительные по силе и значению строки.

«Революционные рабочие всех стран,— писал товарищ Сталин, — единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, р у с с к о м у рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».

...Творить чудеса! Разве не чудо из чудес, когда русские рабочие — голодные и холодные, измученные трехлетней войной, сокрушили натиск четырнадцати держав-интервентов и отстояли молодую Советскую Республику? Разве не чудо из чудес, когда русский рабочий вывел своего брата-крестьянина, темного и отсталого, на путь социализма? Разве не чудо из чудес, когда русские люди, сплотив вокруг себя все народы нашей страны, не только разбили нагодоу гитлеровских захватчиков, но и принесли освобождение от гитлеровского ига другим народам Европы. Разве не чудо из чудес, когда всего за пять лет советские люди, руководимые своим старшим братом—русским народом, залечили кровавые раны войны с фашизмом и приступили к осуществлению гигантских планов преобразования природы, к строительству великих сооружений коммунизма.

Но есть еще одно, едва ли не самое главное «чудо из чудес», которое не измеришь ни тысячами жертв, ни миллионами рублей, ни тоннами зерна, ни киловаттами электроэнергии. Речь идет о тех невидимых, но очень прочных нитях, которые, вопреки пограничным кордонам, вопреки войнам и кровопролитным сражениям, протянулись между Москвой и миллионами точек на земном шаре, между советскими людьми и трудящимися мира.

Величественные идеи ленинизма, как ни стараются этому помешать буржуазные пигмеи, завоевывают сознание сотен миллионов людей. Коммунистические партии во всех странах непрерывно растут, насчитывая в своих рядах уже около 25 миллионов человек. Весь богатый исторический опыт первого в мире социалистического государства становится достоянием масс. И трудящиеся массы всего мира жадно тянутся ко всему тому, что исходит от нашей великой страны. Они хорошо усвоили одну простую и непреложную истину:

Ленинизм — это борьба за радость в труде, за дружбу народов, за мир!

Вот русские саперы любовно возводят своими умелыми руками красивый мост через Шведен-канал в Вене — в той самой Вене, в которой наши воины самоотверженно сражались с фашистами. Саперам помогают венские металлисты. Мост получает символическое название: «Мост Мира». И старый австриец-рабочий говорит русским солдатам:

— Хорошую память вы оставляете по себе городу; нам, людям, у которых руки грубы от мозолей, этот мост будет говорить о дружбе, о той радости труда, которую мы узнали.

Вот американский певец Поль Робсон вдохновенно исполняет на русском языке советскую песню, мелодию которой и, по крайней мере, первые четыре слова знает теперь едва ли не каждый грамотный человек на земле:

— Широка страна моя родная!

Вот китайский школьник, едва овладев иероглифами, с любовью читает книжку о жизни вождя советского народа, вождя всех трудящихся — великого Сталина.

Каждый день со всех частей света приезжают в Москву гости. Это благороднее паломничество совершают люди физического труда, деятели науки и искусства — люди разных национальностей, политических взглядов, религиозных убеждений.

Они — эти самоотверженные борцы за мир — едут сюда, в нашу столицу, потому что народы земного шара не хотят новой войны, потому что древняя русская Москва возвышается сегодня над землей, как неугасимый маяк мира и свободы.

Проникновенные слова товарища Сталина о русском человеке, о русском народе вооружают каждого из нас — и прежде всего деятелей культуры — на борьбу против любых проявлений национального нигилизма по отношению к великому русскому народу и другим народам нашей страны.

Шесть лет назад произнес товарищ Сталин свою здравицу в честь великого русского народа. За эти годы на горизонте мира вновь сгустились тучи. Поджигатели новой войны подняли голову и, бросая вызов миролюбию народов, грозят атомным, водородным и прочим оружием.

Но не такие теперь времена, господа неофашисты! Народы Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании прочно вступили на путь строительства социализма. Великий народ Китая расправил свои плечи и создал могущественную и миролюбивую народную республику. На путь глубоких демократических преобразований становится немецкий народ. На примере героической Кореи, вот уже год успешно сопротивляющейся натиску Соединенных Штатов, особенно ярко видно, что никакие трумэны никогда не в силах победить народ, как бы мал этот народ ни был.

Великий пример русского народа, бесстрашного в борьбе и неутомимого в труде, вызывает восхищение братских народов нашей страны и стран народной демократии, братских народов Китая и Кореи, трудящихся всего мира. Этот великий пример служит им надеждой и оплотом.

— За здоровье русского народа! — вслед за товарищем Сталиным провозглашают братские народы нашей страны и люди труда во всем мире свою здравицу в честь великого народа-победителя.

К ДЕКАДЕ УКРАИНСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.)** Местные издательства выпустили в свет новые книги к предстоящей декаде украинского искусства и литературы. В отделении издательства «Искусство» вышел двухтомник «Классическая украинская драматургия». В нем собраны лучшие произведения украинских драматургов XIX—начала XX века: Т. Шевченко, Г. Квитка-Основьяненко, И. Котляревского, М. Кропивницкого, М. Старицкого, П. Мирного, И. Тобилевича (Карпенко-Карый), И. Франко и Леси Украинки. В сборнике 16 пьес, многие из них выходят на русском языке впервые. Над их переводами работала группа московских и ленинградских литераторов— К. Чуковский, П. Антокольский, А. Прокофьев и другие.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило «Избранные произведения» Леси Украинки в одном томе. В сборнике широко представлены лирика, поэмы и легенды, драматические поэмы.

Писатели и великие стройки

На днях состоялось собрание партийной организации московских писателей, посвященное участию литераторов в великих стройках коммунизма. Доклад на эту тему сделал заместитель генерального секретаря Союза советских писателей тов. **А. Сурков.**

— Великие стройки коммунизма должны явиться для нас обозначением нового, качественно более высокого этапа в развитии советской литературы,— сказал тов. Сурков.

Если оглянуться на прошлое и проследить живые процессы развития советской литературы, то станет ясным, что все основные периоды ее определяются решающими этапами в движении нашего общества к коммунизму.

Двадцатые годы прошли в советской литературе под знаком господства материала о героике гражданской войны. Вслед за этим встает новый круг вопросов, возникший в связи с тем, что страна вплотную приступила к выполнению великих задач строительства социализма.

С этой точки зрения интересно проследить за эволюцией темы судьбы интеллигенции в нашей литературе.

Вспомним книги того времени — «Города и годы» и «Братья» К. Федина, «Севастополь» А. Малышкина, «Капитальный ремонт» Л. Соболева и ряд других книг. Все они решали вопрос отношения интеллигенции к революции и отношения рабочего класса к интеллигенции.

Но когда в нашей стране в годы первой и второй пятилеток произошел стремительный рост новой интеллигенции и глубокая, коренная перестройка сознания старой интеллигенции, эта тема «тяжбы» интеллигенции с революцией уходит из литературы, уступая место новым темам.

Годы первых сталинских пятилеток ознаменовались такими великими событиями, как индустриализация страны и коренная перестройка всей жизни нашего крестьянства в результате сплошной коллективизации и проведенной на ее основе ликвидации кулачества как класса. Литература того времени отмечена серьезной и очень для нее значительной ступенью перехода в новое, высшее качество. Если в двадцатых годах такие произведения, как «Цемент» Ф. Гладкова, «Доменная печь» Н. Ляшко и некоторые другие, ставившие тему жизни рабочего класса в его производственном бытии, насчитывались единицами, то в годы первых сталинских пятилеток произошел крутой поворот к этим темам. Такие произведения, как «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Энергия» Ф. Гладкова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Не переводя дыхания» и «День второй» И. Эренбурга, «Поэма о топоре» и «Мой друг» Н. Погодина, а также романы о деревне — «Поднятая целина» М. Шолохова и «Бруски» Ф. Панферова, являлись закономерным выражением того, что вместе с переходом всего нашего советского общества на новую ступень вступила в новый этап своего развития и наша литература.

Нельзя пересценить влияние этого поворота и на судьбы отдельных писателей.

Возьмем, например, М. Шолохова. Значительной вехой в развитии его творческой судьбы была «Поднятая целина», работа над которой чрезвычайно благотворно сказалась на трактовке событий в заключительных частях «Тихого Дона».

Во многих писательских судьбах находим мы столь же глубокие следы, оставленные началом тридцатых годов. Великие социалистические преобразования нашей страны привели к созданию ряда книг нового качества. Результатом этих исторических сдвигов было решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о ликвидации РАПП, возможность консолидации нашей литературы под одной крышей Союза советских писателей.

Выполнение нашей литературой своего долга перед историей, перед народом в напряженные дни Великой Отечественной войны также в немалой мере подготовлено тем огромным жизненным социальным опытом, который приобрела советская литература в период строительства социализма в нашей стране.

Обо всем этом нельзя не вспомнить теперь, когда перед советскими писателями встала новая громадная задача, рожденная нашей жизнью, — задача участия в великих стройках коммунизма.

Особенно необходимо помнить о тех указаниях, которые неоднократно делал Центральный Комитет партии — в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» и в других документах, обращенных к нашей литературе и искусству. Партия постоянно и настойчиво обращала наше внимание на то, что работники литературы и искусства должны глубоко знать жизнь, изучить дело, за освещение которого берутся, иначе неизбежны поражения и провалы. Хотя за пять лет, минувших со времени постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», наша литература сделала очень многое, мы не можем еще утверждать, что указания партии выполнены полностью. Это относится в равной мере ко всем видам искусства, подвергшимся партийной критике за эти годы. Сегодня, определяя свою роль в деле осуществления великих строек коммунизма, мы, писатели, особенно должны об этом помнить.

Мне кажется, что мы стоим сейчас на пороге нового периода в развитии нашей литературы: после полосы «первоначальных накоплений» в разработке созидательной тематики послевоенных лет мы вплотную подошли к разрешению на более глубокой и широкой основе новых задач, вытекающих из новой обстановки. В свете всего этого великие стройки коммунизма представляются мне ключом к пониманию объема и высоты тех задач, которые стоят сегодня перед советской литературой.

Сейчас все писатели стремятся в Сталинград, в Куйбышев, в Цимлянскую, в Каховку и на Тахиа-Таш. Стремление естественное. Но некоторые разочаровываются, потому что могучих плотин еще нет, по степи ходят геологи, геодезисты проверяют дно на местах будущих плотин. Идет освоение строительных площадок.

Однако уже теперь нет в стране ни одного мало-мальски значительного предприятия, которое бы не работало на великие стройки коммунизма. Лесорубы в Вологодской области и где-нибудь на берегах Печоры еще в прошлый зимний сезон работали для великих строек коммунизма; плоты по Ветлуге, по Волге, по Енисею плывут, как плоты великих строек коммунизма. Всесоюзная, всенародная кооперация созидательных усилий, обеспечивающих осуществление великих строек, не имеет примера даже в нашем плановом хозяйстве!

Именно это здесь, на собрании писателей, я хочу особо подчеркнуть. Глубина фронта великих строек коммунизма — всесоюзная. Больше того: великие стройки коммунизма, точно так же, как и великие наши планы лесонасаждений, вызывают творческий отклик во всех странах народной демократии.

Без ощущения этого пространственного масштаба было бы неправильно подходить к разработке того комплекса тем, который теперь возникает перед нами, писателями.

И неправильно было бы забывать принципиальное историческое значение великих строек, как в капле воды отражающее самую природу нашего общества, противостоящую природе капитализма. Без понимания того, о чем, как всегда ясно и сжато, говорил товарищ Сталин, отвечая корреспонденту «Правды», — о том, каков смысл наших великих строек с международной точки зрения, с точки зрения разоблачения поджигателей войны,— без этого работа писателя на великих стройках, даже при самых лучших побуждениях, окажется не тем, чего ждут от нашей литературы.

Последний вопрос, который мне хочется поставить: к е м нам быть на великих стройках? Быть ли нам «командированными товарищами» с портфелями и толстыми блокнотами, приезжающими искать героев, которые затем в беседах возвращают писателям и журналистам их же плоские слова, написанные в очерках? Многие очерки о великих стройках, появившиеся в газетах и журналах, угнетают убийственным однообразием. Они — результат кавалерийских налетов, результат блокнотного собеседования: полчаса с начальником стройки (потом ему будет некогда!), полчаса — с начальником участка, двадцать минут— с парторгом и по десяти минут с двумя-тремя рабочими.

Так работать советским писателям и журналистам нельзя! Мы должны быть не летописцами и соглядатаями, а у ч а с т н и к а м и великих строек. Как это сделать,—общего рецепта не дашь, да это и не нужно. Если бы мне, например, выпало светлое счастье поехать на стройку не на неделю и не на две, а надолго, чтобы переплести свою судьбу с судьбами всех ее строителей, я бы сказал: пошлите меня на участок пропагандистом! Можно найти на стройке много места, где писатель окажется не соглядатаем, не летописцем, а живым участником дела. И совсем хорошо будет, если писатель пойдет работать в многотиражку стройки. Мы не должны забывать опыта первых пятилеток и в особенности опыта Великой Отечественной войны. Самую крепкую связь с жизнью дает именно работа в газете! Не машины — пусть самые совершенные! — определяют стиль великих строек, а люди. Вот с ними, с коллективом строителей данной стройки, и должен слиться воедино советский писатель.

Перед лицом величественного нового этапа нашего движения в коммунизм,— закончил свой доклад тов. Сурков,—для выполнения наших литературных задач нам надо быть людьми, соответствующими своими творческими и духовными качествами тому объекту, который нам предстоит запечатлеть в художественных образах!

Доклад тов. Суркова вызвал оживленные прения. Кроме писателей в прениях приняли участие также гости собрания — работники ряда организаций и научно-исследовательских учреждений, связанных в своей деятельности с великими стройками коммунизма.

Писатель **А. Кожевников** в своем выступлении сказал:

— Много тысячелетий люди относились к земле, как иждивенцы: брали от нее больше, чем возвращали ей.

Впервые новое отношение к земле, как к матери-земле, как к своему дому, который надо обогащать, украшать, сделать колыбелью человеческой радости и счастья, родилось у нас. Оно пришло с Великой Октябрьской революцией.

Гениальный сталинский план преобразования природы — это всемирно-исторический перелом в отношении человека к планете. За грандиозными лесонасаждениями в степной полосе, за первыми великими стройками коммунизма последуют еще более грандиозные мероприятия и сооружения. Я не сомневаюсь, что в самое ближайшее время у нас начнется широкое использование ветра. Ведь динамическая сила ветра неизмеримо больше динамической силы всех наших рек! Скоро мы будем пользоваться по своему усмотрению тепловой энергией солнца, силой морских приливов и отливов. Трудно даже вообразить, какие могут произойти тогда перемены!

Всем существом своим наш писатель должен жить среди строек коммунизма: и среди тех, что на Волге и на Дону, и в любом пункте нашей Родины, и среди тех, которые только замышляются, проектируются, которые находятся сейчас пусть даже только в воображении!

А. Кожевников вносит предложение: создать при Союзе советских писателей консультационный кабинет, где писатель мог бы получить информацию, документацию, библиографию, литературу по вопросам, связанным с великими стройками.

Критик **Е. Златова** упрекнула докладчика в том, что он не рассказал, какие практические мероприятия наметил Союз советских писателей, чтобы планово организовать работу писателей на великих стройках. Далее тов. Златова останавливается на ошибках, допущенных писателями и журналистами в описаниях строительства Главного Туркменского канала. Она критикует очерк В. Величко «Покорение Кара-Кумов», опубликованный в журнале «Знамя», за допущенные в нем отклонения от истины.

Е. Долматовский критикует за неточность и поверхностность очерки Ф. Панферова и Ю. Капусто, опубликованные в «Литературной газете».

М. Шагинян поделилась опытом своей работы по созданию «Гидроцентрали» и горячо присоединилась к призыву тов. Суркова — быть на стройках не свидетелями, а практическими участниками их повседневной жизни.

— Товарищ Сталин писал о Волго-Донском канале еще во время обороны Царицына в 1918 году,—напоминает в своем выступлении **Г. Фиш.**—Первоначальный проект Куйбышевской гидростанции был утвержден четырнадцать лет назад. Какими легковесными выглядят в свете этого планы некоторых наших литераторов, предполагающих постичь все многообразие, все величие и значение великих строек, поехав туда в случайную командировку и даже не зная толком, какую стройку предпочесть,—ничего у них с поездкой на ту или другую стройку не ассоциируется!

Познать великие стройки только эмпирически невозможно, как невозможно понять величие замечательного сооружения архитектуры, подойдя вплотную к его стенам. Надо иметь представление обо всем здании, обо всем архитектурном замысле. А это мы можем получить, только овладевая марксистско-ленинской теорией, только неустанно повышая свой идейный уровень. Командировка писателя на стройку сама по себе еще не решает вопроса о создании полноценной книги!

Г. Фиш на ряде примеров показывает, как одна проблема народного хозяйства тянет за собой десяток новых нерешенных проблем и как пренебрежение любой из них ведет к провалу всей цепи. В США, например, орошение не подкреплялось травопольными севооборотами. В результате плодородные земли превратились в пустыни. У нас же введение травопольных севооборотов — закон при проведении орошения.

Или взять лесные полосы. Чтобы им развиваться нормально, нужно, чтобы на них гнездились птицы, а птицы летят только туда, где родились. Перед учеными встает проблема: как привлечь птиц к лесополосам? Лесам нужны муравьи. Встает проблема завоза муравейников.

Нет ни одной профессии, ни одной специальности, ни одной отрасли науки, которые не должны были бы принять активного и непосредственного участия в великом деле преобразования природы. Мы должны это знать и уметь разбираться в том, как различные отрасли науки решают встающие перед ними проблемы, иначе мы будем писать тусклые произведения.

Тепло встретило собрание одного из создателей «шагающего экскаватора» лауреата Сталинской премии проф. **Домбровского.**

— Я не писатель, — говорит проф. Домбровский. — Хочу сказать, чего ждем от писателей мы, читатели. Очерки, статьи, рассказы, посвященные великим стройкам,— это хорошо. Но хочется, чтобы вы дали монументальные полотна, показали бы всю картину в целом. И это должны быть полотна о людях — творцах наших строек. Дело прежде всего в них — созидателях гигантских сооружений.

Но писать о людях — это не значит забывать о технике, которой управляют люди, влюбленные в свое дело. Литературу не обязательно кончать технический институт. Я думаю, что достаточно желания да прочтения вполне доступных образованному человеку книг и журнальных статей, чтобы войти в курс того, какими техническими интересами живет сейчас работник стройки.

В прениях высказались также писатель **Б. Галин,** заместитель начальника Гидропроекта лауреат Сталинской премии **Г. Руссо,** декан гидроэнергетического факультета МЭИ **Т. Золотарев,** инженер-генерал—директор речного флота 3-го ранга **М. Чернов.**

В кратком заключительном слове А. Сурков подвел итоги собрания.

Международные отклики

ТЕНЬ МАКАРТУРА НАД ГОСДЕПАРТАМЕНТОМ США

Собравшись вновь после довольно продолжительного перерыва, Генеральная Ассамблея ООН в конце прошлой недели одобрила американскую резолюцию об объявлении эмбарго (запрещения) на поставки в Китайскую народную республику и Корейскую народно-демократическую республику. Послушная «машина голосования» снова была приведена в действие, и наблюдатели смогли зафиксировать еще одно нарушение Устава ООН, столь же беззастенчивое и наглое, как и предыдущие.

Английская газета «Таймс» признает, что одобренная американскими сателлитами резолюция об эмбарго продиктована Соединенными Штатами: «Данное событие открыто расценивают как капитуляцию под нажимом американцев, если не как прямую победу (!) доктрин генерала Макартура».

Принятие резолюции о введении эмбарго как раз и разоблачает перед всем миром тщетные потуги тех официальных американских кругов, которые отстранение Макартура пытались представить чуть ли не как «мирную акцию», кардинально изменяющую-де политику Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Ничего подобного! Хотя Макартур сегодня не у дел, ему не приходится особенно печалиться: в конечном счете, ведь именно его политику проводит госдепартамент США. И не только проводит, но подчас и заявляет об этом открыто.

Едва ли не в тот самый день, когда американское большинство в ООН с готовностью проштемпелевало резолюцию о введении эмбарго, на приеме, устроенном в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория», выступило поджигательское «трио» — дипломаты Раск и Даллес и сенатор Дуглас. Их откровенные высказывания наглядно подтверждают «победу доктрин генерала Макартура», о которой писала газета «Таймс».

Помощник государственного секретаря США по делам Дальнего Востока Раск, «не вдаваясь в детали», как он сам предупредил слушателей, и злобно брызжа слюной, обрушил на правительство Китайской народной республики горы клеветы и принятых разве только в среде американских дипломатов непристойных оскорблений. «Мы не признаем пекинские власти, — истерично вопил Раск. — Это не правительство Китая. Оно не имеет права выступать от имени Китая», и т. д. и т. п.

Но кто же тогда, если не Центральное народное правительство, является подлинным представителем Китая? Как и следовало ожидать, мистеру Раску по душе отвергнутая и изгнанная народом растленная клика Чан Кай-ши.

Приступ бешеной злобы, обуявший американского дипломата, свидетельствует не только о полной утере государственными деятелями США чувства реальности. Его выступление кроме того показывает, что американские империалисты, введя эмбарго на экспорт в Китай, намерены продолжать в то же время войну в Корее, вооружать клику Чан Кай-ши и расширять, таким образом, агрессию против свободного Китая.

Раск, имеющий, между прочим, звание полковника, с истинно солдафонской прямотой, по-макартуровски выболтал то, что другие американские официальные лица предпочитают камуфлировать фальшивыми заверениями о «доброй воле». Поэтому совсем не случайно лондонская «Таймс», проявляя явное беспокойство по поводу результатов англо-американской авантюры в Корее, пишет: «Точка зрения, высказанная Раском, во многих отношениях совпадает с точкой зрения Макартура». Подобное «совпадение» и не удивительно, если учесть, что обе, с позволения сказать, «точки зрения», это, по сути дела, один и тот же агрессивный курс нарушения международного мира и безопасности народов.

ЛИТЕРАТОР

Накануне юбилея Большого театра

Через несколько дней советский народ будет отмечать знаменательную дату в истории русского музыкального искусства — 175-летие Государственного академического Большого театра Союза ССР. На предприятиях, в клубах, театрах, в учреждениях сейчас читаются доклады и устраиваются беседы о значении Большого театра в создании русского национального исполнительского стиля в опере и балете — стиля, получившего всемирное признание.

Со всех концов страны в адрес юбиляра идет поток писем и телеграмм. Пишут рабочие, колхозники, деятели искусства, литературы и науки, учащиеся, солдаты и офицеры Советской Армии. Идут приветствия из-за рубежа — пишут работники театров Варшавы, Вроцлава, Познани, Софии, Бухареста, прогрессивные театральные деятели буржуазных стран. В этих приветствиях выражена сердечная любовь к «русской национальной академии музыки», к театру, на сцене которого многие десятилетия звучат классические оперы Глинки и Даргомыжского, Чайковского и Мусоргского, Бородина и Римского-Корсакова, произведения мировой музыкальной классики, лучшие произведения советских композиторов.

В связи с предстоящим юбилеем многие ведущие артисты Большого театра выезжали с творческими рапортами на великие стройки, в колхозы, во многие города Урала, Поволжья, Украины.

Торжества, непосредственно связанные с юбилеем, начнутся в Большом театре 26 мая приемом делегаций. В последние два дня в Москву прибыли делегации из Грузии, Армении, Украины, Латвии, Азербайджана, Казахстана и Ленинграда. Приветствия театру готовят многочисленные театральные, советские, общественные организации, коллективы заводов, культурно-просветительных учреждений, учебных заведений. Многие предприятия готовят подарки театру-юбиляру: модели новейших машин и приборов и другие образцы своей продукции.

Университет в Закарпатье

Виктор ВАЖДАЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Из окон Ужгородского государственного университета видны земли трех государств. Поднимемся тихой, тенистой, извилистой улочкой на невысокий холм, войдем в большие двери университетской фундаментальной библиотеки и широкими, пологими лестницами пройдем в читальный зал. Высокие потолки, мягкая, успокаивающая глаз окраска стен, сверкающие полировкой светлые столы и стулья работы знаменитых ужгородских мебельщиков, простор и тишина — все это располагает к труду за книгой, к размышлению. В каждом окне, словно в раме, заключен законченный живой пейзаж, радующий глаз своеобразием красок, мягкостью очертаний. Вот, подернутые дымкой, возникают вдали округлые горы. Это Карпаты. В той стороне — Польская народная демократическая республика. А вон расстилается ровная, зеленая, степного типа земля — это уже Чехословакия. Видно, как селяне пашут землю, как над их домиками вьются дымы... Вдали, где темнеет лес, — Венгрия. Земли трех государств — Польши, Чехословакии и Венгрии — сходятся возле Ужгорода. Совсем недавно, в день 1 Мая, наши границы представляли собой удивительное зрелище: к самой границе подходили празднично наряженные жители окрестных зарубежных сел с букетами цветов и флагами. Они, стоя на своей — чехословацкой, польской, венгерской земле вдоль границы с Советским Союзом, приветственно взмахивали флагами, цветами и кричали: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует великий Сталин!», «Сталин — мир! Сталин — мир!»

Прежде, вплоть до своего освобождения в 1944 году, Закарпатье на протяжении многовековой истории, полной страданий народных, находилось в упадке как экономическом, так и культурном. Сменялись различные колонизаторы-оккупанты, а режим, направленный на уничтожение всего национального — культуры, литературы, искусства и, наконец, языка, оставался одним и тем же. Особенно наглой и беззастенчивой была оккупация Закарпатья буржуазно-помещичьей Австро-Венгрией. «Земля без имени», «вымирающее племя», «погибающий народ», «медведи» — вот клички, которыми австро-венгерские феодалы-помещики и капиталисты награждали эту землю и людей, живущих на ней. Каленым железом выжигалось все украинское. В 1916 году будапештская газета «Пешти гирлап» писала: «Есть в нашей державе народность из трехсот тысяч душ. Она полностью мадьяризировалась, так что и забыла говорить на своем языке...»

Нет, не забыли закарпатцы свой родной язык! На Верховине — так здесь называют горные районы области — в далеких селах сохранился прошедший сквозь бури и грозы истории чистый народный украинский язык. Многие крестьяне и рабочие предпочитали не отдавать своих детей в школы, зная, что их будут насильственно обучать искусственно созданному мадьяризированному жаргону. Его насаждал и фашистский режим при гитлеровском прихвостне Хорти.

Но вот изменилась судьба народа. В октябре 1944 года войска 4-го украинского фронта освободили Закарпатье. 26 ноября 1944 года первый съезд Народных комитетов, выражая волю народа, принял манифест о воссоединении Закарпатской Украины с Советским Союзом в составе Украинской Советской Социалистической Республики.

Это сразу же отразилось и на судьбах национальной культуры.

В победном 1945 году 18 октября было принято постановление об открытии в Закарпатье, в Ужгороде, государственного университета. А 1 февраля 1946 года здесь, в этом первом за всю многовековую историю Закарпатья университете, начались учебные занятия.

— У нас учится около тысячи студентов, — говорит ректор университета тов. Ткаченко. — Кроме того, заочно обучается 797 человек. В самых отдаленных округах люди тянутся к знанию. Например, в Раховском округе на протяжении двадцати лет хозяйничания буржуазного чехословацкого правительства не было ни одной средней школы! А сейчас там 4 средних школы, 21 семилетка, 46 начальных школ, в которых обучаются 10.356 детей.

Университет получил, не считая помещения библиотеки, пять больших зданий: три — под учебные корпуса историко-филологического, физико-математического, биологического, химического и медицинского факультетов и два здания — под общежития для студентов.

— Когда открывался университет, были люди, которые «предупреждали» нас, что мы не наберем нужного числа студентов, — рассказывает ректор. — Нам советовали подождать с открытием университета, покуда, мол, не поднимется общий уровень всей областной сети народного образования. Однако перестраховщики просчитались, заявлений в университет оказалось больше, чем мест. Многие поступающие держали экстерном за среднюю школу.

— Мы жили в селе Горяни, под самым Ужгородом, — говорит студент-историк Михаил Повч. — Отец работал чернорабочим на каменоломне. При чехах мне удалось учиться, но в 1938 году, когда в Ужгород пришли мадьяры, учение пришлось бросить и пойти работать на каменоломню вместе с отцом. Помню, как я тогда плакал. «Чего ты ревешь, мальчишка?» — спросил меня пан начальник. «Обидно, — сказал я, — люди учатся, а мне дорога заказана». «Люди! — повторил он. — А ты разве — л ю д и?» — Он рассмеялся. — Запомни, щенок, — сказал пан, — человек начинается с барона!». Он повернулся и ушел. А я остался на каменоломне. Что было бы со мной дальше, не знаю. Но пришло освобождение Закарпатья. Я вступил в комсомол, и комсомол направил меня по верному пути. Я окончил совпартшколу и остался на комсомольской работе. Я не мечтал получить законченное среднее образование, как вдруг — университет!.. Целый год я занимался, не жалея сил. Хороший человек — учительница тов. Ужва помогла мне: и я сдал экстерном за среднюю школу и поступил в университет. Сейчас я на третьем курсе...

Об этом же говорит и Мария Пещак — студентка третьего курса историко-филологического факультета. Она коммунистка, член горсовета и сталинский стипендиат. Родители ее раньше батрачили в Чехословакии, потом переехали в Мукачево, где занимались поденной работой. Там Мария училась в «гражданской» школе (нечто подобное семилетке). Но что это была за школа!

— Нас учили вышиванию, вязанью, — говорит Мария Пещак. — Мы делали корзиночки из бумаги... Мою речь исковеркала «гражданская» школа так, что, когда я после освобождения в 1944 году поступила в педагогическое училище, мне пришлось заново учить украинский и русский языки.

В работе Ужгородского университета проявилась одна характернейшая черта советского общества: чувство коллективной заинтересованности как организаций, так и отдельных лиц во всяком нужном и государственно важном деле. Из Киева, Харькова, Ростова, Одессы и Днепропетровска приехали в Ужгород преподаватели и профессоры. Московский, Ленинградский, Киевский и Ростовский университеты, Нежинский педагогический институт, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина прислали Ужгородскому университету книги для его библиотеки. Уже сейчас она насчитывает 220.000 томов. Московский университет, кроме того, подарил ужгородцам приборы для физических кабинетов.

Очень интересное и плодотворное начинание возглавлено академиком Героем Социалистического Труда В. П. Филатовым, который вместе со своей клиникой взял шефство над медицинским факультетом Ужгородского университета. Академик Филатов дважды — в 1949 и 1950 гг. — приезжал в Ужгород и читал студентам особый курс по наиболее сложным глазным заболеваниям, иллюстрируя лекции специальными кинофильмами. Два его ближайших сотрудника — профессор Фишер и доцент Курышкин — также приезжали для лекций и консультаций в Ужгородский университет.

Окруженный вниманием и заботой всей советской страны, растет и расцветает этот первенец Закарпатья. На факультетах Ужгородского университета идет большая научная работа.

Под руководством доцентов Борисовой, Ауслендера, Редько, Теряева и других студенты историко-филологического факультета в своих дипломных работах ведут исследования, связанные с современностью, с жизнью Закарпатья. Таковы, например, работы выпускников тов. Тимочука «Стачечное движение в Закарпатье в годы мирового экономического кризиса 1929 — 1930 гг.» или тов. Небесника «Колхозный фольклор Закарпатья». Интересные, имеющие народнохозяйственное значение работы написали дипломанты — сталинский стипендиат тов. Бубряк, исследовавший грибные болезни плодовых деревьев Тячевского округа и меры борьбы с ними, и тов. Добош, разработавший тему: «Распространение печеночного сосальщика рогатого скота в Свалявском и Ужгородском округах».

Ужгородский университет постепенно превращается в крупный научный центр. Здесь куются кадры новой социалистической интеллигенции.

В феврале 1951 года 64 ужгородских студента получили дипломы об окончании университета. Сейчас оканчивают университет еще 108 человек. В один год университет дает два выпуска общим числом в 172 дипломанта. В области огромная потребность в педагогических кадрах. Сейчас здесь работает 6.200 учителей. Открываются новые школы; кроме университета, есть педагогический институт, 14 техникумов.

Какое бесчисленное множество высших учебных заведений создала советская власть в нашей стране! Всюду и везде — от солнечного Таджикистана до суровой, холодной Якутии — распахнулись двери высших учебных заведений для небывалого в истории культуры потока молодежи, идущей к знанию. И здесь, в освобожденном Закарпатье, в этой цветущей радостной стране, вырвавшейся из капиталистического плена, народные таланты получили доступ к вершинам науки. Такова сила нашего общественного строя, обусловливающего невиданный расцвет национальной культуры, культуры социалистических наций, объединенных в дружной семье советских республик.

„Пословица недаром молвится"

Яркость, лаконичность и простота народной речи нашли и находят свое выражение в пословицах и поговорках. И нет нужды говорить о том, что, изучая родной язык, нельзя не обращаться к фольклору.

Но почему-то за последние десятилетия у нас не издаются сколько-нибудь значительные сборники пословиц и поговорок. Старые же фундаментальные издания уже давно стали библиографической редкостью. Последний раз сборник Даля «Пословицы русского народа» был издан в 1904 году; лишь с большим трудом его можно найти в букинистических магазинах. Других подобных изданий не было. Но и Даль, конечно, не мог собрать, а тем более опубликовать всех пословиц. К тому же в живом языке все время появляются новые пословицы и поговорки. Советские фольклористы записывают их. Однако работа эта часто проводится впустую, так как собранный материал почти не публикуется.

Издательствам следует заинтересоваться работой фольклористов. Целесообразно было бы пересмотреть и переиздать отдельные старые сборники.

«Пословица недаром молвится». Устное народное творчество должно найти свое место в нашей печати. Хороший сборник пословиц, поговорок, устных легенд и песен очень нужен агитаторам, писателям, журналистам, педагогам.

А. АСТАФЬЕВ,
преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Военно-инженерной Краснознаменной академии имени В. В. Куйбышева

ОТ РЕДАКЦИИ.

Вопрос, поднятый А. Астафьевым, имеет немаловажное значение. Наши издательства до сих пор с непростительным пренебрежением относятся к фольклору. Например, Гослитиздат и «Советский писатель» за все время своей работы не дали читателям ни одного достаточно полного (включая пословицы, поговорки, загадки и т. п.) издания русского фольклора.

Руководствуясь сталинским учением о языке, советские фольклористы должны создать полные научно классифицированные и комментированные сборники устного творчества всех советских народов.

Пора нашим издательствам коренным образом изменить свое отношение к фольклору!

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Товарищ Ратушный опровергает...»

Так назывался опубликованный в «Литературной газете» 5 апреля этого года фельетон о серьезных недостатках в коммунальном хозяйстве г. Уральска. Заместитель председателя Горисполкома тов. Ратушный, нетерпимо относясь к критическим сигналам трудящихся, нужных мер к устранению недостатков не принимал.

Председатель Западно-Казахстанского облисполкома С. Гафнатуллин сообщил редакции, что факты, изложенные в фельетоне, полностью соответствуют действительности.

За пренебрежительное, барское отношение к критическим письмам трудящихся и отсутствие серьезной заботы о наведении порядка в городском хозяйстве тов. Ратушному объявлен строгий выговор с предупреждением. Горисполкому предложено улучшить контроль за деятельностью Горкомхоза, оказывать ему систематическую помощь в успешном выполнении плана благоустройства города.

Советский адвокат

Письма в редакцию

Есть одна профессия, о которой мало говорят и еще меньше пишут, — это профессия адвоката. Большая работа, проводимая адвокатами на суде, их общественно-политическая деятельность слабо освещаются на страницах газет и журналов.

Не показан моральный облик советского адвоката и в нашей литературе. А один из юных героев «Молодой гвардии» А. Фадеева произносит даже такую странную фразу: «Все-таки глупо, например, быть защитником на нашем суде».

Да и в житейской практике еще имеет хождение старое представление об адвокате, как о «присяжном поверенном», который может, торгуя своей совестью, доказывать и защищать все, что угодно.

Тот, кто так думает, забывает, очевидно, что в нашей стране адвокат — это помощник правосудия, заинтересованный в том, чтобы, в рамках закона, установить основания и мотивы для смягчения вины подзащитного или признания его невиновности. Адвокат должен помочь советскому гражданину, привлеченному к ответственности, реально использовать свои права, гарантированные в статье 111 Конституции СССР.

Недооценку роли и задач советской адвокатуры, кое-где существующую, можно в определенной мере объяснить и тем, что ряды некоторых адвокатских коллегий еще засорены случайными людьми.

Положение об адвокатуре, нуждающееся в коренной переработке, не запрещает допуск к этой работе лиц, ставших адвокатами после того, как они не оправдали доверия на какой-либо другой работе, например, в прокуратуре или в суде.

Легкомысленное отношение к подбору кадров, либерализм и халатность президиумов отдельных коллегий создают возможность для проникновения в адвокатуру «деятелей» вроде некоего Барсукова, который успел перебывать чуть ли не в двадцати коллегиях и всюду совершить ряд злоупотреблений и аморальных поступков.

Почему же в адвокатской среде терпят таких людей?

На это можно ответить одно: в иных коллегиях еще слабо развита большевистская критика и самокритика, еще живы либерализм, боязнь «обидеть» товарища, нежелание «выносить сор из избы».

Весьма неблагополучно обстоит дело и на теоретическом фронте. На каких пособиях должен учиться молодой советский адвокат? Лишь после Великой Отечественной войны отдел адвокатуры Министерства юстиции РСФСР выпустил ряд полезных пособий по уголовному процессу для начинающих адвокатов. Однако это нужное дело прекратили, а о переиздании никто не думает. За все годы существования нашей адвокатуры Юридическим издательством была сделана лишь одна попытка — да и та неудачная — выпустить сборник статей в качестве пособий для адвокатов. Теоретических работ просто нет. Нет и сборника речей лучших советских адвокатов.

А ведь какие сложнейшие вопросы ставит подчас перед нами жизнь! Возьмем пример из практики. Идет судебный процесс. Вина подсудимого полностью доказана материалами дела. Однако подсудимый все-таки отказывается признать себя виновным. Слово для защитительной речи предоставляется адвокату Пашутину. Но в процессе дела адвокат пришел к выводу о доказанности вины своего подзащитного и, выступая, просит лишь смягчить наказание. Подсудимый возмущен и в своем последнем слове обвиняет адвоката чуть ли не в предательстве. Дело Пашутина рассматривается на президиуме коллегии. Разгораются прения, многие считают, что адвокат неправ, что он должен был только грамотно изложить доводы подсудимого, утаив от суда свое мнение.

Прав ли Пашутин или нет? Как вообще должен поступать адвокат в подобных случаях? Ясный ответ на подобный и многие другие вопросы должна дать теория советской адвокатуры.

Пора подумать и об изменении формы оплаты советского труда. В настоящее время заработная плата адвоката зависит в основном от личного усмотрения заведующего консультацией. Нужно подумать об установлении гарантийных ставок для адвокатов. Существующая инструкция устарела, она не предусматривает целого ряда поручений, выполняемых адвокатом, не предусматривает его квалификации.

В январе этого года состоялось Всесоюзное совещание председателей коллегий адвокатов в Министерстве юстиции СССР. К нему долго и тщательно готовились в коллегиях, по заданию министерства разрабатывали и обсуждали новые проекты положения об адвокатуре, думали об изменении форм оплаты труда адвокатов. Однако совещание приняло характер лишь обмена опытом работы между коллегиями и обсудило проект положения об адвокатуре, выработанный самим министерством и, по сути дела, очень мало отличающийся от действующего положения. Обмен опытом, конечно, очень ценное начинание, но мы ожидали большего. Мы хотели серьезной перестройки работы адвокатуры и разрешения всех наболевших вопросов.

И. ВЛАДИМИРОВ,
председатель президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов

***

Если поговорить с каждым адвокатом в отдельности, можно узнать много интересного. Вам расскажут о судебных процессах, где в условиях сложного анализа улик восторжествовала линия защиты. Вам расскажут и об огромной консультационной работе, проводимой среди населения этим отрядом специалистов.

И все же далеко не всегда работа адвоката удовлетворительна.

Врачом может быть лишь человек, окончивший медицинский институт. А адвокатами иногда работают люди вовсе без всякого специального образования. Пора решить: кто не имеет юридического образования, тот не может быть адвокатом.

Обязан ли адвокат принять любое поручение по уголовному или гражданскому делу, если с позицией подзащитного (доверителя) он заранее не согласен?

Надо прямо сказать — нельзя кривить душой. Не согласен с линией защиты, избранной подзащитным, — предупреди его об этом заранее.

Вправе ли адвокат выступать в любой стадии судебного разбирательства? Надо твердо установить, в каких судебных инстанциях после принятия дела судом к своему производству адвокат может выступить, конечно, за исключением случаев, особо оговоренных в законе. Ведь закон о судоустройстве СССР не запрещает, например, ведения дел адвокатами в порядке надзора.

Президиумы коллегий адвокатов зад условиями труда адвокатов не думают, не считают это своим делом. Несмотря на специальный приказ министра, адвокатам в ряде судов приходится изучать дела... в коридоре. Многие юридические консультации ютятся в плохих помещениях.

Пора широко обсудить вопрос об адвокатуре, подвергнуть ее работу критике и вместе с тем изжить еще имеющиеся серьезные недочеты.

Л. ЛЕНСКИЙ,
член Московской городской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук

Туман, который надо рассеять

Реплика члену-корреспонденту Академии наук СССР А. И. Белецкому

Вопрос об отношении к литературоведческому наследству имеет глубокое значение для советского литературоведения. Есть много неразработанных проблем, и плодотворная творческая дискуссия вокруг них закономерна. Поэтому естественно, что, выступая в Киеве с докладом «Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для советского литературоведения», член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии наук УССР А. И. Белецкий выдвинул некоторые дискуссионные вопросы. В его докладе есть плодотворные мысли и интересные замечания; заслуживают, например, серьезного внимания мысли, направленные против догматизма и схоластики, против тех, кто рассматривает литературу не как надстройку. Но есть положения, которые заставляют насторожиться, а кое в чем решительно возразить автору.

Партийная печать, писательская и научная общественность года три тому назад подвергли резкой критике буржуазно-либеральную концепцию академика А. Веселовского, разоблачили реакционность его космополитической, компаративистской «теории», ложность его так называемого «сравнительно-исторического метода». Веселовский пропагандировал антинаучную теорию «миграции сюжетов», доказывал, что развитие мировой литературы состоит в обновлении старых сюжетов. «Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над исстари завещанными образами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых?..» — писал Веселовский.

Эта теория рассматривает литературу, как замкнутый, оторванный от жизни народа ряд, как явление, не имеющее национальной почвы, народных корней и питающееся соками чужеродных, принесенных из других стран образов и мотивов.

Реакционная роль так называемой сравнительно-исторической школы Веселовского была разоблачена со всей убедительностью. Партийная печать указала, что нужно «разоблачать буржуазно-либеральное существо его концепции и идеологический вред литературных выступлений с апологетикой реакционных взглядов Веселовского».

И вот сейчас, спустя три года, тов. Белецкий снова поднимает вопрос о школе Веселовского, правда, в виде глухих намеков. «И. В. Сталин указывает, что Н. Я. Марр ошельмовал сравнительно-исторический метод, как идеалистический, что у Н. Я. Марра и его учеников слово «формализм» употреблялось как попало и что оба термина стали пугалом, которым марристы отгоняли своих противников. Литературоведу следует над этим задуматься. Он не должен отвергать априорно всякие научные сопоставления отечественной литературы с литературами зарубежными» *.

Когда мы встречаемся с глухими намеками, с туманными выражениями, всегда полезно бывает рассеять туман и обнажить существо вопроса. Тов. Белецкий намекает, что совершенно справедливые слова И. В. Сталина о сравнительно-историческом методе в языкознании следует отнести и к сравнительно-историческому методу в литературоведении.

Прежде всего о сопоставлениях отечественной литературы с зарубежными. Да, *н а у ч н ы х сопоставлений отвергать нельзя. Сравнение является полезным подсобным приемом при исследовании.* Одной из *прекрасных традиций русской общественной мысли было оценивать свои силы как раз сравнением с зарубежной мыслью.* С гордостью *говорили о силе русской революционной, материалистической мысли* Белинский и Чернышевский; *с гордостью* писал о Чернышевском Ленин, подчеркивая превосходство его над *модными философскими учениями, «последним словом»* европейской науки; *с гордостью* товарищ Сталин говорит о представителях великой русской нации, вождях в глазах всего мира величие своего народа.

Но были и *сопоставления другого рода,* в которых упражнялись Александр и Алексей Веселовские и их *соратники.*

Слова о сопоставлении — пустые слова, пока не будет выяснено, о *к а к и х с о п о с т а в л е н и я х* идет речь. Нельзя забыть, что сопоставлениями в духе так называемой сравнительно-исторической школы десятки лет забивали головы литературоведам. Иные из тех, что в молодые годы подпали под влияние этой школы, давно уже стали профессорами и академиками. Скольким тысячам студентов внушали они за десятки лет научно-педагогической работы свои отсталые представления! А ведь речь идет не о каких-то отвлеченных понятиях, касающихся небольшого круга специалистов. Речь идет о коренных вопросах мировоззрения, о воспитании патриотических чувств, об умении правильно, подлинно научно расценить роль нашего народа в развитии мировой культуры.

Напомним одно из «сравнений», типичных для школы Веселовского.

Византийской сказке, писал Веселовский, сопоставляя русские былины о Чуриле Пленковиче и Иване Гостином сыне с византийским «образцом», «пришлось найтись в новой, более простой бытовой обстановке и поступиться многим, что не шло к новой среде, либо полупонятное необходимо облекалось в более грубые формы. Таково неловкое «щапление» и лубочное щегольство Чурилы — по сравнению с византийскими юношами, красующимися перед Афинаидой; тем же деревенским шаржем, дающим чувствовать за собой более утонченный подлинник, отзывается в песнях о Чуриле вычурное описание его дворца, его любовные приключения, впечатление, произведенное им на женщин: это — настолько же грубость житейского взгляда, насколько грубое усвоение чужого».

Не ясно ли, что в подобном сопоставлении лейтмотивом является неуважение к своему народу, его культуре? Не ясно ли также, что подобные «исследования» играют наруку именно тем, кто объявляет русский народ неполноценным, второсортным. Выступая против таких «сравнений», мы выступаем против лживых космополитических версий, против попрания национальной гордости советских людей.

Думается, что тов. А. И. Белецкий неосновательно проводит аналогию между сравнительно-исторической школой в литературоведении и сравнительно-историческим методом в языкознании. Дело не в названии, а в той реальной работе, на которую ориентирует та или иная школа, *тот* или иной метод.

Сравнительно-исторический метод в языкознании помогает представить картину исторического развития словарного состава и грамматического строя языка. Сравнение языков, если оно не выхолащивает реальную историческую почву, на которой они образовались и развиваются, поможет разобраться во многих вопросах семантики, синтаксиса и т. д.

Товарищ Сталин, поставив перед языковедами задачу изучения языкового родства славянских наций, указывает:

«...Изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка».

Большую помощь в деле изучения з а к о н о в развития языка — вот что дает сравнительно-исторический метод, если его освободить от присущих ему недостатков!

Но обратимся к «школе» Веселовского. Какие законы развития искусства и литературы может помочь постигнуть она? Работы Веселовского проникнуты равнодушием к конкретной истории, к литературе, как отражению жизни, отрицанием значения идейности в искусстве. Сравнительно-исторический метод, как он выражен в работах Веселовского, есть н а д р у г а т е л ь с т в о над требованиями п о д л и н н о й н а у к и: изучать каждое явление конкретно, в его историческом своеобразии. Грубая схема, насильственно налагаемая на живые и вечно подвижные явления искусства, не может дать ничего для постижения законов развития искусства.

Нам кажется, что в докладе А. И. Белецкого в туманной, предположительной форме ставится вопрос: нельзя ли пересмотреть сложившееся у нашей научной общественности отношение к Веселовскому и его «школе»... В повестку дня недавней научной сессии по литературоведению в Москве был включен доклад тов. Белецкого «Проблема научного наследства в советском литературоведении». К сожалению, проходившая в эти дни в Киеве сессия Академии наук УССР не позволила тов. Белецкому принять участие в сессии по литературоведению. Но тезисы, разработанные им, опубликованы в числе других материалов сессии, и они подтверждают сделанные выше предположения. Много неверного в тезисах товарища Белецкого!

Вместо того, чтобы провести четкую грань между революционными марксистами и их ближайшими предшественниками — великими революционными демократами — с одной стороны, и буржуазным литературоведением, с другой, показать все великое превосходство передовой науки (такое сравнение здесь необходимо!), тов. Белецкий делит литературоведческое наследство на три составные части — труды представителей русской демократической мысли, работы представителей «академической» науки (Веселовский, Пыпин, Буслаев, Тихонравов) и, наконец, работы буржуазных литературоведов буржуазных стран.

В изучении наследия революционных демократов автор тезисов видит только «несомненные достижения».

Трудно согласиться с этим слишком благополучным выводом, оправдывающим беглое скольжение мимо вопроса о наследии революционных демократов. Нам кажется, что великое наследие Белинского, Чернышевского, Добролюбова еще плохо изучено, что имеется немало извращений их творчества, которые еще предстоит преодолевать. Тов. Белецкий умалчивает об этом, считая необходимым призвать прежде всего к изучению «академической науки» в России и буржуазных литературоведов Запада. (Заметим в скобках, что в тезисах отсутствует даже упоминание о необходимости изучать наследство значительных, хотя и не свободных от ошибок, марксистских исследователей — зарубежных, как Ф. Меринг, Р. Люксембург, П. Лафарг, и русских, как В. Воровский, М. Ольминский).

Пафос тезисов академика Белецкого — в борьбе с «односторонне отрицательным», как он пишет, отношением к трудам таких ученых, как Веселовский, Пыпин и другие. Он подчеркивает прежде всего «несомненно положительные стороны» их деятельности, их эрудицию, знание большого количества фактов. Явно стремясь обезопасить себя от упреков в односторонности, А. Белецкий говорит и о «серьезных пробелах» деятелей академической науки. Он говорит об их «несостоятельности в области синтеза», о «тяготении ученых к глубокой старине», «отрыве от живой жизни». Но мало сказать, что Веселовский и Пыпин — кабинетные ученые, стоявшие в стороне от жизни. Когда Веселовский проповедовал свою реакционно-идеалистическую теорию, он не стоял в стороне от борьбы. Нет, он участвовал в борьбе п р о т и в идей Белинского и Чернышевского, п р о т и в материализма и революционной демократии. Когда он оскорблял чувство национальной гордости, утверждая несамостоятельность, подражательность нашего искусства, — разве не помогал он объективно тем, кто держал Россию в кабале и не хотел допустить развития духа национальной гордости и духовной независимости в нашем народе? Разве представитель «культурно-исторической школы» Пыпин, восстающий против печатания революционной эмиграцией за границей трудов Чернышевского, выхолащивающий революционное содержание наследия Чернышевского и Добролюбова, не содействовал р а з о р у ж е н и ю тех демократических масс, о в о о р у ж е н и и которых заботился Чернышевский?

Следует помнить, что за нашей литературной наукой пристально следят прогрессивные литературоведы и критики зарубежных стран, и прежде всего стран народной демократии. Им приходится вести острую борьбу с космополитическими, нигилистическими взглядами на культуру и искусство своих народов, преодолевать реакционные концепции, культивировавшиеся в прошлом и ныне экспортируемые американскими гангстерами от идеологии. Не ясно ли, что либеральная терпимость к реакционным взглядам мешает мобилизации сил прогрессивной литературной науки за рубежом!

Деятельность Веселовского, Пыпина и их соратников в истории русской науки была проявлением теоретического упадка, тлетворных реакционных влияний. Мы критикуем не отдельные пробелы, как изящно выражается А. И. Белецкий; м и р о в о з з р е н и е Веселовского враждебно советской культуре, советской науке.

В основе оценки деятельности Веселовского должно лежать признание враждебности с и с т е м ы е г о в з г л я д о в советскому литературоведению. Что касается широкой эрудиции и большого количества накопленных фактов, то следует сказать, что только четкое осмысление реакционной сущности концепции Веселовского позволит критически использовать фактические материалы работ его школы. Рассуждать иначе — значит менять право первородства на чечевичную похлебку, сдавать принципиальные позиции.

Тов. А. И. Белецкий высказывает свои мысли так, как будто не было критики Веселовского нашей общественностью, как будто можно просто пройти мимо вопроса о космополитизме, национальном нигилизме «теории» Веселовского.

Такие выступления, как выступление А. Белецкого, должны заставить серьезно задуматься критиков и литературоведов. Видимо, мы в литературоведческой и критической практике недостаточно развенчиваем концепцию, метод, мировоззрение буржуазного компаративизма, не сумели глубоко вскрыть его порочность, его враждебность идеологии советского общества, если до сих пор отдельные крупные ученые выступают с проповедью терпимости к этим чуждым взглядам.

Б. РЮРИКОВ

* А. И. Белецкий. «Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для советского литературоведения». Киев, 1951, стр. 18.

О национальной специфике литературы

Д. БЛАГОЙ,
доктор филологических наук

Товарищ Сталин указывает, что «каждая нация... имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и обогащает её, обогащает её».

Качественные особенности, специфика нации выступают с наибольшей наглядностью в общности ее духовного облика, психического склада, «проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».

В обществе, разделенном на классы, национальное и классовое находятся в неразрывной связи; поэтому необходимо различать в национальной специфике то, что прогрессивно, то, что растет и развивается, то, что обращено вперед, в будущее, то, что связано с коренными интересами нации не преимуществу, т. е. ее большинства, ее трудящихся слоев, производителей материальных благ. Необходимо отличать национальный «разум» от национальных «предрассудков», связанных с узко-корыстными интересами эксплуататорских классов или порожденных тяжелыми условиями жизни эксплуатируемых народных масс, например, крепостническим гнетом в царской России, вызывавшейся им народной отсталостью и т. д. В национальном «разуме», а не в национальных «предрассудках» и заключается то подлинно ценное, что является вкладом данной нации в общую сокровищницу мировой культуры.

Чем более передовым, исторически прогрессивным является тот или иной класс, тот или иной социальный слой, тем в большей мере оказывается он носителем в данный исторический момент национального «разума», подлинной национальной специфики.

В один из грозных критических моментов истории русского народа, когда серьезная опасность нависла над всей страной, когда гитлеровские орды рвались к Москве, товарищ Сталин со всей энергией и силой подчеркнул мощь и величие русской нации — «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!...» В этом перечне деятели русской художественной литературы занимают, как видим, весьма почетное место.

Чем более национальным в истинном значении этого слова является данный писатель, чем полнее, глубже и художественнее выражает он качественные особенности, специфику своей нации, тем больше его творчество дополняет и обогащает сокровищницу мировой культуры, тем несомненнее приобретает оно мировое значение. Отсюда и проистекает мировое значение таких великих гениев, как Гомер, Данте, Сервантес, Шекспир, Мольер, Гёте, как Пушкин, Лев Толстой, Максим Горький.

Выделить, показать в произведениях художественной литературы национальную специфику является одной из важных задач критика-литературоведа. Путь к этому — изучение литературного явления в теснейшей непосредственной связи с национальной почвой, его породившей, с национально-историческими особенностями жизни данного народа в данный период (расстановка социальных сил, классовая борьба и т. д.), с национальными культурными и литературными традициями.

Национальная специфика русской литературы обусловлена своеобразием русского исторического процесса. В противоположность странам Европы буржуазия в России не была носителем революционных настроений, даже таких ограниченных, как в буржуазной революции XVIII века во Франции. В то же время большинство нации изнемогало в тисках самого бесчеловечного и несправедливого крепостнического гнета. Это создавало особые, более демократические, чем на Западе, формы русского освободительного движения. Борьбу за ликвидацию феодализма, за новые общественные отношения начали Радищев и дворянские революционеры-декабристы. «...Политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян», — прямо и точно сформулировал это наиболее сильный поэтический выразитель идеологии декабризма — молодой Пушкин в своих замечаниях по русской истории XVIII века. Еще более широкий демократический характер обрело русское освободительное движение на его втором революционно-демократическом этапе, прямо выдвинувшем идею и лозунг крестьянской революции. Русская буржуазия попыталась было выйти на первое место, сыграть историческую роль в конце XIX — начале XX века. Но было уже поздно. К этому времени в стране сложился самый передовой и революционный во всем мире русский пролетариат, возглавивший борьбу за освобождение всего народа.

Своеобразие русского исторического процесса определило своеобразие русской литературы. Чернышевский проницательно указал в качестве особой специфической черты русской литературы чрезвычайно сильно выраженный в ней патриотизм, «страстное, беспредельное желание блага родине», «служение на пользу общую».

Действительно литературно-художественная деятельность всех передовых представителей новой русской литературы — литературы послепетровского периода — была движима неизменным патриотическим стремлением к «общей пользе», «пользе общества», ощущалась как прямое гражданское служение. Это стремление связывалось у передовых русских писателей с сочувствием угнетенному большинству народа — крестьянству, с резкими обличениями по адресу помещиков-крепостников.

Конечно, следует твердо помнить о тех исторически и классово ограниченных рамках, в которых развивалась русская литература XVIII века. Патриотизм русской литературы XVIII века отнюдь нельзя рассматривать в качестве некоего «единого потока». Проникнутый идеями общенационального служения, высокий и благородный патриотизм вышедшего, по слову Радищева, «из среды народныя» Ломоносова резко отличался от дворянского патриотизма Сумарокова, в сознании которого судьбы страны были неразрывно связаны с судьбами класса помещиков. Сентиментально-консервативному помещичьему патриотизму Карамзина решительно противостоял революционный патриотизм Радищева. Но не забывая обо всех этих отличиях и ограничениях, все же можно и должно выдвинуть указанные черты — патриотизм, гражданственность, гуманистичность, преимущественно выраженный сатирический характер, все нарастающие элементы демократизма и народности, как некоторые типовые черты и особенности, определявшие уже в то время складывающуюся и утверждавшуюся национальную специфику русской литературы.

Эти черты и устремления передовой русской литературы XVIII века находят замечательное развитие, возводятся на качественно новую ступень в литературной деятельности Радищева — первого представителя и деятеля России революционной.

В только что опубликованных выдержках из письма Демьяну Бедному товарищ Сталин пишет: «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых».

Радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» оказалось как бы героическим прологом ко всему дальнейшему развитию передовой русской литературы.

Кровная связь послерадищевской литературы с развитием революционного движения не подлежит сомнению; достаточно назвать три великих имени — трех великих буревестников русской литературы — Пушкина, Некрасова, Максима Горького, основополагающая деятельность которых непосредственно и теснейшим образом связана с каждым из трех, намеченных Лениным, основных периодов в развитии русского освободительного движения, трех поколений, трех классов, действовавших в русской революции. Великие представители русской классической литературы, если они являлись действительно великими художниками, — вспомним слова Ленина о Льве Толстом — должны были в своем творчестве отразить хотя бы некоторые из существенных сторон все нарастающего, приобретавшего все более и более демократический размах русского революционного движения.

«Литература наша, — прозорливо замечал Белинский, — ...постоянно стремилась к самобытности, народности, из риторической стремилась сделаться естественною, натуральною. Это стремление, ознаменованное заметными и постоянными успехами, и составляет смысл и душу истории нашей литературы».

В творчестве Пушкина — «поэзии действительности» — проявились не только те или иные элементы русской национальной специфики, как это было у его предшественников, но качественные особенности, национальная специфика русской литературы в ее полноте.

Наш великий национальный художник-мыслитель поставил и отразил наиболее острые и вместе с тем наиболее коренные общественно-политические вопросы своей современности, продолжавшие в ряде случаев сохранять свое значение и намного вперед: самодержавие и народ («Борис Годунов»), оторванность, странная далекость от народа передовой дворянской интеллигенции («Цыганы», «Евгений Онегин»), личность и государство («Медный всадник»), наконец, и в особенности, тот вопрос, который не только во время Пушкина, но и много спустя продолжал оставаться, по словам товарища Сталина, осью политической жизни России — вопрос раскрепощения страны, вопрос аграрный, крестьянский, не перестававший волновать Пушкина на всем протяжении его творчества от юношеской «Деревни» до «Истории села Горюхина», «Дубровского», «Сцен из рыцарских времен», «Капитанской дочки».

Глубоко национальным оставался Пушкин и в тех своих произведениях — у него, как известно, чрезвычайно многочисленных, — в которых он переносит своих читателей в самые различные «части света», дает картины жизни разных времен и народов. Этой «мирообъемлющей» широтой художественного кругозора Пушкина, его единственной в своем роде способностью «быть как у себя дома во многих и самых противоположных сферах жизни», восхищался уже Белинский. Но это не только не стирало с этих произведений национальных красок, а, наоборот, раскрывало богатство и широту русского характера. И в произведениях, дающих такое изумительно правдивое изображение «стороннего мира», Пушкин глядел на него русскими глазами, чувствовал русским сердцем.

Создана Пушкиным и национальная эстетическая норма, национально-русский идеал прекрасного, связанный с демократическим характером пушкинского творчества и его глубоко реалистической направленностью. Завещая свои поэтические создания не 1/10 нации, а ее 9/10 — всему народу, — Пушкин стремился сделать их максимально доступными, доходчивыми. Это достигалось сочетанием величайшего художественного мастерства — ясности и точности языка, звучности и музыкальности стиха, стройности и гармоничности композиции — с величайшей же непринужденностью, естественностью и высокой художественной простотой. Именно в этом заключается тот эстетический, стилевой принцип, который был завещан Пушкиным последующей русской классической литературе. Пушкин завещал последующей русской литературе свою творческую смелость и свободу, отказ во имя правдивого изображения жизни от всяческих литературных условностей, литературного сектантства, закостеневших жанровых и стилевых форм, свою борьбу с внешней красивостью, изысканностью и манерностью стиля. И эти пушкинские традиции также стали традициями русского искусства слова.

Пушкин закрепил ту структуру русского национального языка — грамматический строй и основной словарный фонд, которая является основой современного русского языка.

Величайший национальный поэт, как никто до него художественно воплотивший все элементы национальной специфики, Пушкин тем самым и стал «началом всех начал» русской классической литературы.

Послепушкинская русская классическая литература развивалась во все более и более усиливающейся и обостряющейся классовой борьбе — в борьбе между лагерем прогрессивным, демократическим, революционным и лагерем реакционным, между различными общественными направлениями и течениями внутри самого прогрессивного лагеря. Это определяло большую идейную пестроту, порой резкие отличия в творчестве отдельных ее представителей. Однако национальным типом русского искусства слова, вкладом русской литературы в сокровищницу мировой литературы был тот русский критический реализм — самый правдивый, беспощадно срывающий «все и всяческие маски» с эксплуататорского общества, и вместе с тем самый передовой, благородный и человечный из всего, что было создано каким-либо другим народом, — тот специфически русский реализм, основы которого были заложены Пушкиным.

После того как русский народ в результате победы Великой Октябрьской революции стал социалистической нацией, его облик во многом существенно изменился. «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны» (А. Жданов).

Великий революционный подвиг, совершенный рабочими и крестьянами России в октябре 1917 года, имеет огромное интернациональное значение. В то же время, как напомнил товарищ Сталин в письме к Демьяну Бедному, русские рабочие, «проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими».

На основе высшего расцвета подлинной национальной специфики развивается, приобретая все большее интернациональное существо и значение, и самая передовая в мире русская советская литература. В ней в основном сохраняется, развиваясь и обогащаясь, такой существеннейший элемент национальной специфики, как русский национальный язык — язык Пушкина. Замечательно расцветают и в жизни советского социалистического общества и в отражающей ее литературе лучшие черты русского национального склада.

В своей исторической здравице в честь русского народа товарищ Сталин сказал: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

Черты эти, выработавшиеся в многовековой борьбе с чужеземными захватчиками, издавна присущи русскому народу — нации, давшей миру таких гениев, как Ломоносов, Пушкин, Чернышевский, как Ленин.

Ярчайшего расцвета достигают в русской социалистической нации ясность ума, стойкость характера, терпение, отражаясь в книгах наших писателей о советских тружениках и созидателях, в таких замечательных образцах советского искусства слова, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого.

Реализм является основной ведущей, специфической формой советской литературы, но в соответствии с изменившимся до неузнаваемости лицом страны, в соответствии с новыми социалистическими условиями жизни нашего народа, победоносно строящего коммунизм, эта глубоко национальная форма русского искусства слова поднимается на качественно новую ступень, наполняется социалистическим содержанием, становится реализмом социалистическим.

В условиях жизни социалистических наций подлинно общенародное и всенародное значение приобретает и творчество носителей национальной специфики русской художественной литературы — великих писателей прошлого.

Из доклада на научной сессии по литературоведению.

После совещания молодых писателей

На заключительных заседаниях второго Всесоюзного совещания молодых писателей правильно говорилось о необходимости организационного закрепления итогов совещания, были намечены конкретные мероприятия.

В республиках, краях и областях проходят сейчас собрания с отчетными докладами участников совещания. «Литературная газета» уже опубликовала корреспонденцию из Ленинграда Сегодня мы публикуем корреспонденции из Риги, Пензы и тревожные сигналы из Златоуста и Красноярска, где работе с молодыми авторами попрежнему не уделяется достаточно внимания.

Руководить начинающими авторами

РИГА. (Наш корр.). Союз советских писателей и ЦК комсомола Латвии провели однодневное республиканское совещание молодых писателей, в котором приняло участие свыше ста начинающих авторов из различных городов и районов республики.

С содержательным докладом выступил руководитель латвийской делегации на Всесоюзном совещании молодых писателей тов. Р. Блюм. Участники совещания В. Алатырцев, Б. Бурлак, Н. Ветра, В. Золотов поделились своими впечатлениями о работе семинаров, рассказали о том, как ведущие мастера советской литературы анализировали их произведения.

Доклад о задачах советской латышской литературы сделал К. Краулинь.

С большим интересом выслушали участники совещания выступление Анны Саксе, посвященное работе молодых писателей над языком. Пользуясь примерами из отдельных произведений литературной молодежи, Анна Саксе убедительно говорила о том, как важна кропотливая, настойчивая работа над словом, над совершенствованием художественного мастерства.

Жан Грива, в основном посвятивший свое выступление молодой латышской драматургии, поднял актуальный вопрос о ранней профессионализации молодых писателей. Некоторые из начинающих авторов, преждевременно оставив работу на предприятии, в учебном заведении, в газете, нанесли серьезный вред своей творческой деятельности. В. Каупуж, Н. Задорнов и другие писатели, говоря о произведениях молодых прозаиков, напомнили о необходимости серьезно овладевать теорией марксизма-ленинизма, без знания которой не может работать советский литератор.

Участники совещания Л. Пурс, О. Германе, П. Зунтнер и другие сделали ряд серьезных критических замечаний в адрес правления Союза советских писателей Латвии и журнала «Карогс», которые недостаточно руководят учебой литературной молодежи, мало помогают начинающим писателям в работе над их произведениями.

В республиканском совещании приняли участие Ян Судрабкалн, Валдис Лукс, Арвид Григулис, Юлий Ванаг, Анна Броделе, Фрицис Рокпелнис, Ян Плаудис, секретари ЦК ЛКСМ Латвии тт. Э. Беман и И. Андерсон.

М. ЗОРИН

Творческие встречи

ПЕНЗА. (Наш корр.). Два дня длилось областное совещание молодых литераторов, созванное книжным издательством и редколлегией альманаха «Земля родная». В нем приняло участие сорок литераторов.

Ф. Дворянов, работник местного издательства, рассказал об итогах Всесоюзного совещания молодых писателей. Редактор альманаха «Земля родная» З. Гусева осветила состояние литературного движения в области.

Докладчики и выступавшие в прениях единодушно отмечали, что за последний год пензенская писательская организация значительно выросла. Так, член литобъединения Г. Федотов издал книгу рассказов «Счастье матери», вышли отдельной брошюрой очерки Г. Вьюнова, сдается в производство сборник очерков А. Ткачева, на днях выходит в свет новый сборник песен А. Анисимовой «В полевом просторе», готовится к изданию сборник стихов и песен М. Инюшкина. В последнем номере альманаха «Земля родная» опубликованы произведения четырнадцати новых авторов.

Хорошо прошла встреча молодых литераторов с читателями. Свои новые работы прочитали сельская учительница Е. Медянцева, автор многих популярных песен, кандидат исторических наук А. Немировский, преподаватель Пединститута А. Петров, колхозница из села Русский Ишим, Городищенского района, М. Смирнова и другие.

На совещании были высказаны справедливые критические замечания в адрес комиссии по работе с молодыми писателями, которая не заботится о руководстве молодыми литераторами области, не организует обмена опытом между областными объединениями.

Ф. САМАРИН

Долг краевого отделения ССП

КРАСНОЯРСК. (Наш. корр.). На первом Всесоюзном совещании молодых писателей Красноярский край был представлен всего лишь одним начинающим поэтом. В работе второго Всесоюзного совещания приняли участие два красноярских прозаика: торговый работник Н. Волков, написавший роман «Наше родное», и горный инженер А. Попков, который привез в Москву свой роман «Дорога счастья». Несмотря на серьезные недостатки этих произведений, появление двух больших романов и других произведений молодых писателей на страницах журнала «Сибирские огни», альманаха «Енисей» и краевых газет говорит о несомненном оживлении литературной жизни края за последние годы.

На днях в отделе пропаганды и агитации Красноярского краевого комитета партии состоялось совещание писателей и редакционно-издательских работников. Отчеты тт. Волкова и Попкова об итогах Всесоюзного совещания молодых писателей вызвали оживленные прения по вопросам работы с молодыми авторами края. Прошли собрания литературных объединений и литературных кружков и в других городах края.

Странно, что краевое отделение Союза писателей, возглавляемое С. Сартаковым, по существу, устранилось от работы с молодыми авторами. Оно недостаточно интересуется деятельностью литературных объединений и литкружков. Плохо организована литературная консультация для начинающих авторов, рецензирование их произведений часто поручается малоквалифицированным работникам.

Крайисполком уже несколько лет обещает помочь писателям, выделить помещение для организации кабинета молодого автора, но дальше обещаний дело не идет. Почти все собрания писателей приходится проводить на квартире секретаря отделения ССП. Дальше мириться с этим нельзя.

В. КИРЬЯНОВ

Обещания и дела

ЗЛАТОУСТ. (Наш корр.). — Присылайте нам, товарищи, свои произведения, будем помещать их в альманахе, в сборниках. Во всяком случае без ответа и консультации не оставим.

Так говорила на собрании литературного объединения Златоуста председатель бюро Челябинского областного отделения Союза писателей Л. Татьяничева.

За пять месяцев, прошедших после этого собрания, число участников литературного объединения города увеличилось в три раза. Регулярно дважды в месяц редакция городской газеты «Большевистское слово» проводит «литературные пятницы». Особенно возрос интерес молодежи к литературе в период подготовки ко второму Всесоюзному совещанию молодых писателей.

Но вскоре оказалось, что бюро литературного объединения уже не в состоянии «справиться» с потоком поступающих рукописей. Достаточно сказать, что только в текущем году на обсуждение и консультацию поступили произведения более 50 авторов: два романа, две повести, около двадцати рассказов и очерков, четыре пьесы, более ста стихотворений.

Молодой поэт Ал. Круглов послал на консультацию в областное отделение ССП свои стихи для сборника. Недели проходили за неделями, а ответа он не получал. Круглов сам поехал в Челябинск, три часа ждал, пока консультант т. Шепелев разыскал в канцелярии пакет со стихами, который оказался даже... нераспечатанным. Такая же печальная участь постигла рассказы Г. Даниленко, стихи Вл. Колчина, Н. Мазакова, Л. Забалуева, В. Нечаева и других.

Равнодушно относится к запросам молодых авторов и Челябинское областное издательство (директор тов. Кузнецова).

Литературная молодежь Урала ждет помощи и внимания к своей работе.

Вас. ШКЕРИН

Глубокие перемены

И. БОБРОВА

Из столицы Эстонии на юг республики отправляется гусеничный экскаватор. Ему предстоит далекий путь на реку Хальдя. У молодого механика Эльмара Лауба много времени для того, чтобы поразмышлять о своем недавнем детстве, протекавшем в тех самых местах, куда направляется экскаватор. Вспоминает Эльмар и жалкие урожаи, которые собирал его отец, и беспросветную нужду и кабалу у кулака Пийпера. Но главная дума Эльмара — о предстоящем штурме Хальдя. Экскаватор должен пробить реке путь через болота и доломитные барьеры, помочь отвести от колхозных полей горькие стоячие воды.

Так небольшой, на первый взгляд, эпизод разрастается в целое художественное полотно, приобретает под пером художника глубокий, обобщающий смысл. Ганс Леберехт в повести «В дороге» сумел показать жизненные, типические процессы, происходящие в современной эстонской деревне. Писатель сумел раскрыть характеры основных героев своей повести в их отношении к тому новому, что пришло на колхозные земли вместе с могучей машиной. По-разному волнует это событие людей. Председатель передового колхоза «Будущее», недавняя батрачка Марта Пийлус, глубоко понимает, какие огромные перспективы открывает перед колхозниками возможность увеличения пахотных и луговых угодий. Бедна здесь земля. Но Марта в своих мечтах видит эту землю преображенной. Для того, чтобы справиться с этими новыми большими задачами, нужно объединить усилия многих людей, укрепить колхозы. Марта выступает в повести выразителем новых, коммунистических взглядов, которые зреют в крестьянской массе.

Но если Марта Пийлус воплощает сегодняшний и завтрашний день эстонской деревни, то председатель колхоза «Заря» Адам Туйск — ее вчерашний день. В образе Туйска писатель показал человека с узким, ограниченным кругозором, который никак не может отказаться от старых привычек. Марта заботится о главном, начинает с самого трудного — с переделки земли, а Туйск ищет выгоды в подсобном хозяйстве, возлагает все надежды на разведение серебристых лисиц. Рассчитывая на легкие заработки, Туйск запускает основные работы в колхозе. «Хоть и делец, — говорят о нем крестьяне, — но однодневный хозяин: из ладони да в рот».

Показаны в повести и прямые враги колхозного строя, вроде Хуго Маркуса. В пятсовской Эстонии, владея трактором и молотилкой, Хуго приобрел не малое состояние. В дни войны он состоял в фашистской банде. Однако Хуго удалось пробраться в правление колхоза «Заря» и подчинить своему влиянию недалекого и тщеславного Туйска.

Такие люди, как Туйск, тормозят развитие эстонских колхозов. В сущности говоря, они служат только удобным прикрытием для таких врагов нового, как Маркус. Бедняк Мадис, как работал — обособленно, по-старинке — на трудном глинистом клочке земли, так и продолжает на нем работать. Попрежнему он пашет землю на своей старой лошади своим старым, изношенным плугом. Ведь Маркус и Туйск распределили людей по звеньям семьями, и так, что за каждой семьей закрепили ее прежние клинья, прежних лошадей, прежний инвентарь. Давно уже в колхозе «Заря» поля считаются общими, а на них все еще торчат древние жердяные ограды.

Но как ни велика сила старых привычек, новое оказывается сильнее, и противник этого нового бессилен Хуго Маркус. Крестьяне, всю жизнь работавшие на земле, с неимоверным трудом отвоевывавшие у трясины под пашню каждый новый крохотный клочок, радостно встречают механиков, агрономов, мелиораторов, прибывших на Хальдя для осушения болот.

Недаром во время задушевной беседы с Маркусом Адам Туйск говорит: «Конечно, таким, как Мадис Пяртель и Яан Сымер, я больше по душе, потому что мы старые привычки уважаем и все потихоньку да по-добрососедски стараемся обойтись. Но кто их знает, как они завтра?.. В реке, а главное, в машине вся причина...».

Ганс Леберехт обладает драгоценным умением зорко подмечать в нашей действительности ростки коммунизма, с любовью раскрывать их в образах наших современников. Его предыдущая книга — «Свет в Коорди» была посвящена становлению первых эстонских колхозов. Повесть «В дороге» рисует новый этап в жизни эстонской деревни, организацию в республике первой мелиоративной станции и начало укрупнения колхозов.

Писатель сумел убедительно показать, какое огромное значение приобретает могучая советская техника не только в деле преобразования природы, но и в формировании сознания людей.

Глубокие перемены в сознании колхозников писатель особенно наглядно раскрывает в образе старого Мадиса Пяртеля. С юных лет Мадис привык работать в одиночку. Жизнь была к нему скупой и несправедливой, как болотная земля. Она ожесточила характер этого вечного труженика. Не случайно в начале повести вспыхивает беспричинная ссора старых соседей — Мадиса и Кай Лаубы. Второй год работают они в одной колхозной семье, но все еще не могут забыть старых межевых камней, перепаханных борозд, клочков сена, выхваченных из соседских стогов...

Но теперь Мадис видит могучую машину, присланную русским народом, чтобы помочь ему, Мадису, победить болото, с которым он сам, его отец и его дед безуспешно боролись всю жизнь.

Велико влияние этого простого факта. И недалек уже день, когда упрямый, осторожный, медлительный Мадис, сломив в себе привычные взгляды и убеждения, смело обличит перед колхозниками Хуго Маркуса, того, кто хотел погубить экскаватор...

В свете этих событий особое значение приобретает композиционно обрамляющая повесть история борьбы Мадиса с живущей на болоте волчицей. Выслеживая ее, Мадис задумывается об окружающих его людях, о работе...

«И об экскаваторе подумал Мадис... Выведет он воду из болота, как дурную кровь выпустит. Поля там будут, а куда волкам деваться? Изведут волков. Это хорошо. Волку не должно быть места на земле».

И Мадис делает вывод:

«Жить имеют право только мирные люди, те, кто пашут поля, сажают деревья, осушают болота под новые поля, те, кто строят машины и проводят электричество...»

Так сливаются воедино, приобретают обобщенный символический смысл картины борьбы с волчицей и врагом.

Ганс Леберехт стремится в сценах и эпизодах, охватывающих, казалось бы, лишь небольшой круг событий и людей, дать глубоко обобщенные, типические картины, приобретающие значение художественного символа. Уже самое название повести «В дороге» подчеркивает основную мысль автора, его стремление показать эстонский народ, идущий по дороге коммунизма.

Новое произведение свидетельствует о росте художественного мастерства писателя. Это чувствуется и в слаженной, в общем композиции повести «В дороге», основные эпизоды которой продуманы до деталей, и в характеристике главных персонажей, и в описаниях природы. Художник точен в эпитетах. Он стремится к лаконичности, краткости описаний. Ему удается одной-двумя фразами передать мысль, создать портрет.

Тем обиднее отмечать, что не все образы повести равноценны. Писатель очень бегло обрисовал секретаря укома Рамму, важный образ главного механика мелиоративной станции Андрея Петровича Мельникова также принадлежит к числу наименее удавшихся. Правильно определив роль и значение работников мелиоративной станции в жизни эстонских колхозов, писатель не раскрыл характеров этих людей с той художественной убедительностью, которая присуща созданным им образам колхозников.

Отмеченное выше стремление автора к скупости и лаконичности художественных средств иной раз становится чрезмерным и приводит к сухости. Излишне сдерживая себя, писатель ограничивает свои возможности как художник. Его стремление придать чуть ли не каждому эпизоду символический смысл приводит к известной рассудочности, временами лишает повесть эмоциональности и лиричности.

В повести несколько сюжетных линий остаются незавершенными. То, что кажется писателю менее значительным для раскрытия его главной идеи, не доведено им до конца. Внезапно обрывается история любви Эльмара и Сальмо — самой активной комсомолки колхоза, наделенной многими живыми и привлекательными чертами. По существу остается незаконченной история поездки механика мелиоративной станции Отта в подшефный колхоз с литературой.

Из-за этого талантливая повесть Леберехта оставляет у читателя впечатление некоторой торопливости. Хочется увидеть эту книгу одинаково завершенной во всех ее частях.

Ганс Леберехт. «В дороге». Повесть. Журнал «Знамя», № 1. 1951 г.

Де Голль хочет стать французским Гитлером

Эти снимки взяты из апрельского номера английского журнала «Пикчер пост» за 1947 год. На одном из них (слева) изображен французский генерал де Голль, на втором — бесноватый Гитлер.

Уже тогда, три года назад, поведение де Голля настолько напоминало повадки фюрера, что даже буржуазный журнал либерального толка не удержался от их сопоставления. И действительно, даже беглого взгляда на фото достаточно, чтобы убедиться: сходство поразительное! У того и другого — одинаково театральные жесты, напыщенная «цезарская» поза, тупые черты лица, карикатурные усики. Совпадают и детали туалета — покрой френча и форма ремня. Французский генерал во всем копирует немецкого ефрейтора.

Под фотоснимком де Голля «Пикчер пост» написал: «Человек, который считает себя воплощением Франции. Ведущий актер в драме, представленной на сборище в Страсбурге*. Стоя один на трибуне, он провозглашает единственный путь возрождения и спасения — однопартийное правительство, которое покончит со всеми партийными правительствами и которое поведет мистический гений одного человека, руководимого богом». Та же подпись воспроизводится и под снимком Гитлера. Изменено лишь место действия — вместо Франции стоит Германия, вместо Страсбурга назван Нюрнберг, и глаголы переведены из настоящего времени в прошедшее. Заголовок статьи гласит: «Что у де Голля на уме?».

Однако дальше этого сопоставления, главным образом, внешних черт деятельности де Голля и Гитлера журнал не идет. На самом же деле сходство кандидата в фашистские диктаторы Франции с полоумным маньяком, который закончил свою карьеру принятием крысиного яда, значительно глубже. Оно отнюдь не ограничивается внешними чертами. Де Голль позаимствовал у фашистского фюрера не только позу и покрой френча.

«От края и до края нашей страны,— говорит секретарь Центрального комитета французской компартии Жак Дюкло,— миллионы французов и француженок знают, что де Голль — это фашизм, а фашизм — это война».

Гитлер был ставленником рурских магнатов и прусских реваншистов. Они сделали тирольского шпика фашистским диктатором, когда почувствовали, что не в силах управлять старыми методами. Сейчас французская реакция готовится под покровительством Вашингтона повторить такой же маневр. Вот почему ее главным фаворитом на предстоящих 17 июня новых выборах в парламент являются кандидат во французские Гитлеры генерал Шарль де Голль и его партия.

Четыре года французская правящая верхушка шла по пути предательства национальных интересов. Трудящиеся Франции не имеют хлеба, но зато в стране есть много американских военных баз. «Мы переживаем вторую оккупацию», — приводит «Юманите» слова одного безработного докера из Ла Паллиса.

На американскую оккупацию французский народ отвечает сопротивлением. Орган американских монополий «Уолл-стрит джорнэл» был вынужден недавно признать, что простые люди Западной Европы не хотят оказаться в положении «пешки, которую готовятся принести в жертву».

В этой обстановке французские правящие круги, подталкиваемые своими американскими хозяевами, торопятся к избирательным урнам, идут на мошенничества и подлоги, чтобы расчистить дорогу фашизму. Задачу французской реакции с предельным цинизмом обрисовал некий О'Доннелл в американском журнале «Сатердей ивнинг пост». Признавая, что прогрессивные силы Франции представляют серьезное препятствие на пути осуществления агрессивных планов Вашингтона, этот людоед требует расстреливать всех сопротивляющихся. Разве это не является откровенным призывом к установлению во Франции кровавой фашистской диктатуры?!

«Чем закончатся выборы?» — спросили корреспонденты министра иностранных дел Франции Шумана во время его недавнего пребывания в Вашингтоне. И министр ответил: «Результаты выборов зависят полностью от избирательного закона». Этот навязанный стране мошеннический закон, принятый вопреки конституции и упразднивший систему пропорциональных выборов, должен помочь французским капиталистам привести к власти де Голля. Кровавой рукой подавив сопротивление простых людей, он должен завершить процесс превращения страны в колонию Уоллстрита, установить в стране фашистский режим.

У фашиста де Голля нет ничего своего. Вместе с жестами и ефрейторскими усиками он заимствовал у Гитлера и его людоедские идейки.

Перед захватом власти Гитлер говорил: «Старые партии должны уйти».

Первого мая этого года де Голль заявил: «Мы должны высвободить власть от произвола партий».

Подобно Гитлеру, французский кандидат в диктаторы намерен разгромить партии, которые ему не удобны, и установить режим фашистского террора. Следует подчеркнуть, что генерал подхватил у Гитлера и других фашистов также идейки о ликвидации профсоюзов. Он твердит о «сотрудничестве» труда и капитала, требуя замены профсоюзов «производственными ассоциациями». В этих «ассоциациях» рабочий должен склониться перед властью хозяина, безропотно подчиниться его произволу.

«Лидеры, — написал однажды Шарль де Голль, — должны обладать воображением, суждением, решимостью, чтобы использовать эти качества единственно в собственных интересах, стремясь только к тому, чтобы стать более сильными и более свободными». Известно, что де Голль в свое время внимательно изучал книгу Гитлера «Моя борьба». Видимо, генерал хорошо усвоил содержание этого катехизиса фашизма: приведенная цитата так и кажется выхваченной из текста гитлеровской книжонки.

Главная цель политической карьеры де Голля та же, что и у Гитлера: насильственный захват власти, установление фашистской диктатуры. Давно развеян миф о де Голле, как о «борце за освобождение Франции». В то время, когда французские патриоты мужественно боролись против гитлеризма, все помыслы генерала были направлены к захвату власти в стране после окончания войны. С этой целью уже тогда он начал создавать собственную «секретную службу» — своего рода организацию французских «эсэсовцев», которую возглавил полковник Пасси, в прошлом член французской фашистской организации кагуляров. Партия де Голля, громко именуемая «Объединением французского народа» (РПФ), ныне собрала под свои знамена весь фашистский сброд. Не последнюю роль в ней занимают бывшие вишисты. И в этом, разумеется, нет ничего удивительного. Де Голль — ученик и друг Петэна, и вся разница между ними заключалась в том, что Петэн, стремясь к установлению фашистского режима, делал ставку на помощь немецких фашистов, а де Голль ориентируется на англо-американскую реакцию.

Откровенно фашистская программа, провозглашенная де Голлем и усиленно пропагандируемая его партией, весьма по душе «200 семействам». Недаром правящая верхушка идет сейчас на любые преступления, чтобы помочь де Голлю. С этой целью реакционеры призывают создать единый избирательный блок для борьбы с коммунистической партией — единственной партией, представляющей интересы французского народа. На днях уже образована коалиция «независимых», партии «Крестьянство и социальное действие», «Республиканской партии свободы» (ПРЛ) и приверженцев «Объединения левых республиканцев». Эта коалиция окрестила себя «четвертой силой». Деголлевская газета «Се матен Ле пэн» не скрывает, что «четвертая сила» является «подобием моста между деголлевским объединением и нынешним большинством. Тактика союзов и объединений, которой руководствуется эта «четвертая сила», направлена в первую очередь на устранение коммунистов».

Фашиствующий генерал готовится с помощью «200 семейств» осуществить насильственный захват власти. «Я сам решу, как поступить»,— заявил он еще в 1948 году. «По эти господа опоздали родиться»,— сказал Жак Дюкло. То, что удалось немецким магнатам и прусскому юнкерству 18 лет назад, не выйдет у нынешних правителей Франции и их американских хозяев. За плечами народов — опыт войны против фашизма. Миллионы французов и француженок активно участвуют ныне в борьбе за мир, за подписание Пакта Мира между пятью державами. Они понимают, что фашизм принесет войну. И они полны решимости остановить де Голля. Их не обманет сегодня самая изощренная гитлеровская демагогия. Французы и француженки объединяются вокруг кандидатов Республиканского и антифашистского союза сопротивления, выдвигаемых французской коммунистической партией — партией национальной независимости, хлеба и мира.

Генерал де Голль хочет сыграть роль французского Гитлера. Заимствовав у бесноватого фюрера позу и жесты, покрой френча и нацистский лексикон, он стал образцовым фашистом. Однако ему не быть фашистским диктатором Франции. Не те времена.

* В Страсбурге в 1947 году де Голль произнес свою первую программную речь после отставки с поста председателя Совета министров Франции.

Клара ФЕХЕР,
венгерская писательница

В одном будапештском доме

Шоссе Вани. По обеим сторонам его — заводы. Поодаль светятся окна новых жилых зданий, читальни, детского сада, родильного дома. Сверкают витринами магазины, шелестит листвой зелень в молодых парках, и в шум мчащегося автобуса вплетается веселый смех, доносящийся с площадок для игр и солнечного пляжа на Дунае.

Автобус, ворча, словно досадуя на избыток занятий в этот весенний солнечный день, проворно несется на другой берег Дуная по новому мосту, соединяющему 13-й промышленный район Будапешта со вторым по величине рабочим районом — Обудой, а также с прекраснейшим парком — островом Маргит и очаровательными окрестностями Будайских гор. Этот мост, включивший 13-й район в оживленную жизнь венгерской столицы, назван именем нашего мудрого учителя и вождя—именем товарища Сталина.

Весна... Настежь распахнуты окна, и ласковый майский ветер врывается в комнату. В третьей квартире дома № 24/ц по улице Андьял Фелд собрались у Йожефа Музамель соседи.

На их глазах поразительно быстро изменилась жизнь. На месте вот этой светлой и уютной двухкомнатной квартиры, как и сотен других таких же квартир, еще сравнительно недавно находились тесные бараки, в которые не проникал свежий воздух.

О чем говорят собравшиеся? Одна мысль волнует их всех — мир, великая правда Обращения Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

— С радостью подпишем всей семьей этот замечательный призыв к миру, не позволим империалистам разрушить нашу счастливую жизнь и будущее наших детей,—говорит кожевник Шандор Тот. Ему 58 лет. Много невзгод перенес он, много перестрадал, будучи безработным, пока воспитал четверых детей.

В юности Шандор Тот с трудом изучил профессию слесаря. Но работать слесарем не удалось — его уволили с завода и занесли в черный список за то, что он принял участие в демонстрации протеста против нечеловеческой эксплуатации. Тот стал чернорабочим. Он трудился по 78 часов в неделю, его жена ночи напролет работала в издательстве газеты, но нищета не покидала их дом.

И только теперь они узнали настоящую жизнь. Их старший сын стал в новой Венгрии директором завода «Кабель», две дочери и младший сын работают на предприятиях и в учреждениях по избранным ими специальностям. Восьмилетняя внучка Шандора Маргарита—пионерка. Она хорошо учится и хочет стать инженером. Она может об этом мечтать—в свободной Венгрии перед ней открыты широкие дороги...

— Как я хотел учиться! — восклицает Ференц Гуйяш.

Раньше ему было не до учебы — власти угнали его отца на военную службу, и мальчик стал кормильцем семьи.

В народной Венгрии Ференц Гуйяш окончил четыре класса средней рабочей школы. Он много занимается, умножает свои знания. Теперь он — референт в одном из отделов государственной таможни.

Запросто, в задушевной беседе собравшиеся здесь люди говорят о том, что сделало их убежденными сторонниками мира.

— Я воспитала детей, — рассказывает Чилликие, — но не в этом красивом, благоустроенном доме, не в этой прекрасной квартире... Мы жили в одной маленькой темной комнате — это была и жилая комната, и кухня, и сапожная мастерская.

Старшие дети Чилликие, Габор и Маргит, смогли окончить только начальную школу; младшая, Ева, теперь учится в гимназии. Габору было 19, а Маргит — 16 лет, когда они ушли в партизаны. Сына схватили нилашисты (венгерские фашисты) и приговорили к смерти. То были страшные дни. Советская Армия-освободительница спасла ему жизнь. Рассказывая об этом, женщина вдруг повышает голос:

— Если ненавистные империалисты и их наймиты развяжут новую войну, я пошлю всех своих детей и сама вместе с мужем пойду отстаивать наше счастье, нашу свободу!

— Борьба за мир — дело каждого честного человека, — говорит Шандорне Бодокош.

Ее муж — котельщик. Их дочь Илонка учится в седьмом классе средней школы и мечтает о карьере инженера-транспортника. Она регулярно посещает пионерскую железную дорогу, которую построило для ребят народное государство.

В новой Венгрии учатся и старый и малый. Присутствующая здесь Роза Вег приехала в Будапешт лишь несколько месяцев назад для того, чтобы учиться на курсах.

Маленький сын хозяйки квартиры заснул на коленях у матери. В одной руке у него остался недоеденный пирожок, в другой — игрушка... А беседа все продолжается.

Пожилая Галамбошине рассказывает о своей жизни. Мать четверых детей, она тяжелым трудом в типографии зарабатывала на кусок хлеба. Одна ее дочь еще ребенком умерла от туберкулеза, остальные трое дожили до счастливых дней. Галамбошине воспитывает их в духе любви к своей расцветающей родине, в духе верности делу мира. Ей шестьдесят пять лет. Она могла бы уже уйти на пенсию. Но она хочет быть полезной демократическому строю, который принес счастье ее семье.

Шандор Тот, Галамбошине, Роза Вег и остальные собеседники—разные по взглядам и религиозным убеждениям люди. Но всех их объединяет единая воля к миру, к спокойному строительству своего демократического отечества.

Единодушно ставя подписи под Обращением Всемирного Совета Мира, они хотят защитить от сил мрака этот солнечный свет весны, плоды своего труда — новостройки, заводы, школы, больницы, выросшие за эти годы по всей стране, новый мост через Дунай, прекрасные квартиры, новое шоссе, устремившееся к деревне, откуда приехала Роза Вег, школу, где учится Ева Чилликие, пионерскую железную дорогу, которую посещает Илонка Бодокош, счастливое будущее заснувшего на груди у матери Ланика Музамель...

На столе, за которым беседуют жители дома, лежит развернутая географическая карта. Сквозь сетку параллелей и меридианов они видят города Кореи, варварски разрушенные американскими извергами и их наемниками. Территория Советского Союза обозначена на карте красным цветом. Она напоминает огромное победоносное знамя. С уверенностью и надеждой идут за этим знаменем мира, свободы и созидания все честные люди земного шара. В их рядах и жители будапештского дома № 24/ц по улице Андьял Фелд.

БУДАПЕШТ

В. ПУДОВКИН

Экран и жизнь

Из каннских впечатлений

1.

Состоявшийся в апреле во французском городе Канн международный кинофестиваль дает обильную пищу для размышлений о судьбах киноискусства в различных странах мира. Фестиваль еще раз наглядно подтвердил, что высоких успехов в искусстве кино можно достигнуть только в том случае, если все усилия художника направлены на отражение правды жизни. Верность правде жизни — в этом не только залог художественного успеха картины, но и прочная гарантия того, что она послужит делу укрепления дружбы и доверия между народами. Правдиво отразить жизнь народа на экране — это значит протянуть руку тем, кто ищет дружбы и взаимопонимания.

Такими глубоко правдивыми произведениями искусства был представлен на фестивале Советский Союз и ряд стран народной демократии (Польша, Чехословакия Венгрия). Такими правдивыми в своей основе, хотя и не до конца разрешенными реалистически, были отдельные картины прогрессивных мастеров кино капиталистических стран. На некоторых из них следует остановиться подробнее, так как они несомненно отражают стремление лучших творческих работников кино зарубежных стран поставить свое искусство на службу прогрессу и делу мира.

Из числа таких фильмов в первую очередь нужно отметить картину «Чудо в Милане» итальянского режиссера дель Сика, работающего всегда вместе с талантливым сценаристом Дзаваттини. Наш зритель знает их совместную работу по картине «Похитители велосипедов».

«Чудо в Милане» — своеобразная картина. Сюжет ее как будто безудержно фантастический — в нем появляются и ангелы, и душа умершей старушки, и голубь, похищенный с того света, творящий чудеса, но вместе с тем все, о чем рассказывается в картине, тесно связано с современной жизнью Италии, связано с реальными человеческими характерами и с реальными человеческими делами. Получается нечто вроде современной сказки, где в фантастической форме изображается современная жизнь.

Кратко сюжет картины таков.

Молодой человек, обуреваемый желанием всем помогать и всех примирять, попадает в среду несчастных, полностью обнищавших людей, построивших себе на пригородном пустыре что-то вроде маленького городка из жалких шалашей. Молодой человек деятельно принимается за работу по улучшению «жизненных условий». Это ему удается — вместо шалашей появляются фанерные хибарки, и население города постепенно увеличивается за счет бедняков, прослышавших о дешевых квартирах. Пустырь, на котором возникает «счастливая жизнь» нетребовательных нищих, принадлежит крупному капиталисту. Все было бы хорошо, если бы на пустыре между хижинами не забили фонтаны, оказавшиеся... нефтяными. Несчастное население, думавшее, что получило только бесплатный керосин, получило вместе с ним и жестокого хозяина. Владелец пустыря требует немедленного разрушения городка. Появляются полицейские отряды. Пускаются в ход слезоточивые газы. В этот момент в руках героя фильма оказывается голубь, принесенный с небес его покойной матерью и обладающий силой немедленно исполнять любое желание. Слишком долго рассказывать, как развивается борьба между полицейскими войсками, руководимыми капиталистом, и героем картины, вооруженным чудесным голубем. В сюжете есть несколько поворотов, в результате которых население городка усаживается верхом на метлы, отнятые у уборщиков большой миланской площади, и улетает в облака под символические слова песни: «Мы летим в страну, где приветствие «доброе утро» действительно означает доброе утро!» В картине много сцен, тонко и верно обрисовывающих человеческие характеры, и хлесткой сатиры на столпов буржуазного общества. Конечно, философские выводы, которые можно сделать из содержания фильма, оставляют желать многого, но прогрессивная направленность авторов картины несомненна.

Реакционная пресса Италии подняла страшный шум, обвиняя режиссера в оскорблении полиции и правительства.

Дель Сика, приехавший в Канн за день до демонстрации картины, зашел к нам и рассказал о ряде смешных выпадов журналистов, обвинявших его, конечно, прежде всего в симпатиях к Советскому Союзу. «Голубь в картине,— писал один,— это безусловно голубь советской пропаганды мира». Другой решил, что гипсовая статуя, водруженная на площади городка из хижин, символизирует невидимое присутствие Советского Союза, потому что подобные статуи он видел на фотографиях советских парков культуры. Третий додумался до совершенного идиотизма. В начале картины, по сказочным традициям ребенка — будущего героя картины — находят в капусте. Журналист объявил эту сцену проповедью не более и не менее как «исторического материализма»!

К числу картин, авторы которых стремятся правдиво отразить жизнь, следует отнести также картину мексиканского режиссера Бюньюэля «Забытые».

Когда я впервые прочитал ее либретто, я расстроился.

Опять четыре убийства в одной картине. Кроме того, убийством уже занимаются не взрослые, а дети. По просмотрев картину, я понял, что к ее оценке нельзя подходить так же, как к картинам, где убийства и самоубийства рассматриваются авторами, главным образом, как материал «эффектного» сюжета. «Забытые» — картина о беспризорных детях большого мексиканского города. Натуралистический характер многих мест в картине производит отталкивающее впечатление. Однако есть в картине проповедь справедливости и гуманного отношения к детям, лишенным самых элементарных условий разумного воспитания. Хотел этого режиссер картины или не хотел, но он развернул такое убедительное зрелище нищеты, панораму характеров взрослых людей, изуродованных и ожесточенных безвыходностью этой нищеты, что зритель не может не притти к определенному выводу: дети не преступны,— преступны те, кто создает для них нечеловеческие условия существования.

Во вступительных надписях к картине говорится: «Здесь нет ничего выдуманного — все, что будет показано, — факты». Эти факты ужасны. Детская банда разбойничает. Грабит слепого музыканта, потом безногого инвалида. Вспышки истерического бешенства толкают детей на убийства друг друга.

Голос диктора, иногда сопровождающий картину, говорит: «Помните, что такие же дети есть и в Нью-Йорке, и в Лондоне, и в Париже...»

Я с гордостью подумал, что автор не смог бы назвать ни Москвы, ни Ленинграда, где жизнь и воспитание каждого без исключения ребенка охраняются всей мощью государства.

К сожалению, и над этой картиной довлеет ненужное, затемняющее смысл происходящего любование внешней стороной жестокости, смерти и больной человеческой психики.

Франция показывала на фестивале большую картину одного из своих крупнейших режиссеров Марселя Карне «Ключ к снам». Все указывало на то, что устроители фестиваля возлагали на картину большие надежды. Зал был набит битком. Имена режиссера, автора и артистов, появившиеся в заглавных надписях, были встречены аплодисментами. Но вот началась картина. Внимание зала настороженно колебалось. Медленно развертывается сюжет, и вместе с ним как будто опускается на публику облако холодного тумана разочарования. В чем дело? Марсель Карне — талантливый мастер. Под его управлением актеры играют прекрасно. Кадры живописны с точки зрения выбора места, света и формы. Декорации безукоризненно выполнены хорошим художником-архитектором. Но... здесь начинаются многочисленные «но».

Содержание фильма такое.

Заключенный в тюрьму молодой человек засыпает. Во сне возникают персонажи, которые участвовали в драме, приведшей его в тюремную камеру. Но они потеряли свой нормальный человеческий облик, превратившись в некие символы, носящие сказочный характер. Они не знают ни своих, ни чужих имен, ни того, что было вчера или час тому назад. Трудно перечислить все мудреные сюжетные ситуации, лишенные сколько-нибудь ясной мысли. Все расплывается в тумане мистики, уводящей зрителя все дальше и дальше от реальной жизни и не приводящей ни к чему. Если фантазия в «Чуде в Милане» вводила образ капиталиста с его реальными качествами в сказочную обстановку и тем делала сказку рассказом о живой действительности, то фантазия авторов «Ключа к снам» пытается сделать обратное. Герой картины, проснувшись, выходит из тюрьмы и находит в живой действительности все, что было представлено зрителю в фантастическом сне. Сон оказывается ключом к пониманию реальной жизни. Не жизнь питает сказку, а сказка должна войти в жизнь и руководить людьми. Впечатление разочарования, по-моему, было общим. В прессе картина подверглась довольно откровенной отрицательной критике. Вот что писал «Л'Экран франсэ» в номере, специально посвященном фестивалю: «... Остановка на пути к французскому реализму, искать который так много помогал в свое время Марсель Карне. Еще один покойник на фестивале. Грустно!..» Эта реакция очень показательна. Как ни стараются продажные критики уверить себя и других в том, что еще существует «искусство для искусства», в том, что назначение художника только развлекать людей, щекотать нервы, жизнь говорит другое. Живой интерес ко всем картинам, затрагивающим большие социальные вопросы, хотя и не отражался в буржуазной прессе, но он существовал повсюду. Он возникал в разговорах, в обмене впечатлениями, в непосредственной реакции даже такого сдержанного зала, каким был «Дворец кино».

Французский режиссер Дакен, которого у нас знают хорошо по картине «Рассвет», сказал мне: «Если бы картину «Ключ к снам» показали на одном из предыдущих фестивалей, она встретила бы восторженный прием. Теперь времена другие».

Второй французский фильм — «Эдуард и Каролина». Эта легкая комедия без претензий разрешать какие-либо серьезные проблемы общественной жизни сделана руками талантливого мастера — режиссера Беккера. В картине есть элемент сатиры, высмеивающий изысканное «великосветское» общество. Отдельные типы, обрисованные только несколькими штрихами, очень смешны и очень убедительны в смысле их действительного существования в реальной жизни. Картина хороша еще тем, что отношения героев — молодых людей, влюбленных друг в друга, лишены той подчеркнутой животной сексуальности, которая так часто служит предметом особого любования во многих произведениях «киноискусства» на Западе.

Интересно сравнить эту комедию с американской картиной, героем которой является хорошо нам известный еще по немым фильмам Гарольд Ллойд. Вся картина построена на формалистических трюках. Живой лев, основательного размера, пугает прохожих на улицах, забирается в кабинет богатых банкиров и в конце концов оказывается на карнизе «небоскреба», откуда его пытается спасти Гарольд Ллойд, оказавшийся его хозяином. Интересно отметить, что и в этой грандиозной чепухе фигурирует «мысль». Но какая? Оказывается, что американские банкиры не пользуются расположением публики (поразительное открытие!). Для того, чтобы выйти из этого тяжелого положения, Гарольд Ллойд предлагает им купить его зверей и учредить бесплатный цирк для детей. Банкиры в восторге от идеи и в финале картины осыпают Ллойда долларами в виде чеков.

Если сравнить эту жалкую «комедию» с предыдущей, то становится понятным, почему так часто приходилось слышать жалобу на американское засилье, мешающее развитию французской национальной кинематографии. Нужно сказать, что жалобы на агрессию Голливуда можно услышать от представителей самых различных стран. На официальной встрече журналистов, устроенной во «Дворце кино», об этом говорили представители Англии, Италии, Уругвая, Мексики и даже американская журналистка, указывавшая на то, что в Америке, кроме Голливуда, существуют отдельные киноорганизации, пытающиеся бороться за прогрессивное национальное киноискусство.

Приятно было слушать, как те же журналисты несколько раз упоминали о благотворном влиянии советских картин, попадавших время от времени в их страны. Разговоры об укреплении и развитии национального кино возникали на фестивале часто. Очевидно, это «больной вопрос». В интервью для передачи по радио меня прямо спросили, являюсь ли я защитником или противником национального киноискусства. Я ответил, что мне задан смешной вопрос,— я не могу быть против национального кино, потому что для нас искусство тем выше, чем оно ближе стоит к народной жизни, которая всегда глубоко национальна.

На той же встрече журналистов выступали и представители стран народной демократии: Чехословакии, Венгрии и Польши. В своих кратких докладах они рассказали, как национализация кинопроизводства освободила искусство от коммерческих интересов частных предпринимателей, как кинематограф, став народным достоянием, быстро развивается и в культурном и в техническом отношениях. Они говорили о реальной дружеской помощи со стороны Советского Союза, который всегда делится с ними своим творческим опытом и своими техническими достижениями.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, К 4-03-66, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б 01470.